Марина

КРАМЕР

История сильной женщины

ЖЕНА САМУРАЯ

КРИМИНАЛЬНАЯ Мелодрама

Марина Крамер
Жена самурая
Серия «История сильной женщины»
Серия «Кодекс жены самурая», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3364475
Жена самурая: Эксмо; М.:; 2012
ISBN 978-5-699-56849-9

Аннотация

Жизнь Александры Гельман проста и понятна. Любимый муж, очаровательная дочка, интересная работа. Темное криминальное прошлое осталось далеко позади. Даже ее супруг Акела, в прошлом правая рука и телохранитель известного авторитета Ефима Клеща, теперь занимается только домом и своими любимыми девочками – женой и дочкой. Лишь увлечение восточными боевыми искусствами и жизнь по кодексу японского самурая напоминают об экзотическом прошлом Акелы. Именно из-за этого хобби он снова попадает за решетку – в городе стали находить трупы бомжей с отсеченными головами. Убийца профессионально орудует самурайским мечом, а из голов убитых делает «бундори» – своеобразный трофей воинской силы. Как верная жена настоящего самурая, Александра должна спасти

супруга от подозрений, и сделать это можно одним лишь способом…

Содержание

Соседи 5
Александра 7
Ольга 17
Александра 21
Ольга 28
Александра 33
Соседи 39
Ольга 42
Михаил 44
Акела 47
Ольга 50
Акела 56
Ольга 63
Михаил 70
Акела 73
Михаил 78
Ольга 80
Соседи 84
Акела 86
Ольга 91
Конец ознакомительного фрагмента. 96

Марина Крамер
Жена самурая

Соседи

Алиса Власьевна, пожилая дама в потертом пальто, возвращалась из гостей. «Поздновато гуляешь, голубушка, – ругала она себя, аккуратно продвигаясь по скользкому асфальту темной арки к подъезду. – Засиделась чуть не за полночь».

Алиса Власьевна преувеличивала – время едва подбиралось к десяти, однако для старушки, крайне редко выбиравшейся куда-то, было уже поздно. Но подруга юности Василиса Артемьевна, или просто Васена, только вчера выписалась из больницы после инфаркта, и в беседах за чашкой чая они и провели весь вечер.

Четыре старые, «сталинской» постройки трехэтажки образовывали некое подобие «колодца», внутри которого располагался небольшой дворик с игровой площадкой и парковкой, заполненной машинами. Очень удобно – даже охраны не требовалось, из двора был только один выход – через длинную темную арку, и тот запирался на ночь при помощи кованых решеток с небольшой калиточкой в них. Ключ же хранился у Андрея Ильича – председателя товарищества собственников жилья. Управдома, как именовал он себя, а

вслед за ним – и все жильцы.

Алиса Власьевна почти добрела до своего подъезда и остановилась буквально на секунду, перевести дух. Ее взгляд уперся во что-то темное, похожее на большой тюк.

«Совсем обнаглели, лень до мусорного бака добраться и туда бросить!» – возмущенно подумала старушка, подслеповато щурясь и доставая из кармана очки, чтобы лучше рассмотреть странный предмет. Когда она, подойдя ближе, склонилась над тюком, из ее груди вырвался сначала возглас ужаса, а потом и вовсе истошный крик – снег вокруг был окрашен красным, что отчетливо просматривалось в исходящем из окна первого этажа свете. На крик из окна выглянул мужчина, узнал в вопящей старушке свою соседку и открыл форточку:

– Что случилось, Алиса Власьевна?

– Ва-ва-вадик… – еле выговорила она, осторожно отступая от зловещего свертка в сторону подъезда. – Вы-вызывай милицию…

– Да что случилось-то? – не мог понять сосед, однако трубку на столе нашарил. – Толком скажите.

– Тут, кажется… труп… – выпалила тонким, срывающимся голосом Алиса Власьевна и повалилась в снег.

Александра

– Итадакимасу![1] – Я склонилась в почтительном поклоне, согнулась, почти коснувшись лбом татами. Сидеть на коленях было не очень удобно, но уже почти привычно.

Акела одобрительно хмыкнул, подхватил с подставки палочки-хаси и выразительно взглянул на меня. Ох, как же тяжко мне давались все эти его ритуалы, кто бы знал! Но я вот уже два года стараюсь делать все, чтобы порадовать мужа.

За это время много всякого случилось, Сашка перенес пару операций по пересадке кожи, и теперь его обожженное лицо приняло мало-мальски человеческий вид. Мы переехали в город из поселка – опять же, Сашка настоял, мотивируя это тем, что Сонечке, нашей шестилетней приемной дочке, в городе куда больше возможностей для развития. Тут сложно было спорить – возить ребенка каждый день на машине смысла не имело, да и папа мой тоже поддержал зятя. Продав коттедж, мы купили большую хорошую квартиру в старом районе города – «сталинку» с высокими потолками, – и Сашка почти полгода занимался там ремонтом, руководил нанятой бригадой строителей, оставив нас с Соней на попечении отца. Я тоже не осталась без дела – засела за книги

[1] Традиционное японское приглашение к трапезе, идентично нашему «приятного аппетита».

и написала-таки диссертацию, вернулась на работу, на свою любимую кафедру нормальной анатомии. От моей частичной парализации почти не осталось следа, да и левой рукой я научилась владеть почти так же отлично, как правой. Единственное неудобство состояло в том, что мне пришлось приложить немало усилий, чтобы научиться еще и трупы препарировать, держа скальпель в непривычной левой руке. Но и это я сумела преодолеть – нет ничего невозможного, я-то это точно знала.

Сашка же ушел от моего отца, решив вспомнить то, что хорошо умел и знал, – восточные единоборства. Он открыл клуб и набрал несколько групп учеников и теперь пропадал в небольшом полуподвальном помещении дни и вечера, а в выходные брал с собой на занятия и Соню.

Весь уклад жизни полностью изменился. Мы отказались от услуг домработницы – ну не то чтобы совсем, но, во всяком случае, приходила она теперь раз в неделю, делала генеральную уборку, а все остальное время мы с Соней поддерживали, как могли, чистоту. Я научилась готовить – тоже прогресс для меня, избалованной папиной дочки. Мне хотелось во всем потакать прихотям мужа, и потому я ухитрилась овладеть искусством японской кухни. Соня, видя, как и чем увлечен ее обожаемый папа, в котором она просто не чаяла души, довольно быстро освоила технику еды с помощью палочек-хаси, и даже мой отец, забирая ее на выходные к себе, удивлялся, как смог такой маленький ребенок научиться де-

лать это так ловко и так быстро.

– Вы из нее что вырастить хотите? – грозно вопрошал мой родитель, возвращая нам дочь вечером воскресенья. – Гейшу?

– Папа! – предостерегающе начинала я, но Акела, сделав мне знак умолкнуть, спокойно отбивал папины нападки:

– Что дурного в том, чтобы девочка видела что-то еще, кроме традиционных вещей?

– Ну, то-то ты ее в свой клуб и таскаешь! Еще меч ей всучи!

– Захочет – возьмет сама, – отрезал Акела, и папа, только махнув рукой, умолкал, зная, что переспорить немногословного, но упорного зятя ему не удастся.

Финансовый вопрос у нас остро не стоял – я работала, Саша тоже, кроме того, вполне приличные суммы лежали на счетах в банках, но мы как-то сразу договорились не прикасаться к этим деньгам без особой нужды. И только с отцом спорить по этому вопросу оказалось невозможно – ежемесячно его телохранитель привозил крупную сумму для Сони. Эти деньги папа так и называл – «Сонькина стипендия». Отказываться мы пробовали, но мой отец был слишком крут нравом и слишком много прошел в жизни, чтобы не справиться с нами. Да и обижать его не хотелось – кроме меня и Сонечки, у него больше никого не осталось, только сестра, но она давно жила отдельно и к брату в гости не наведывалась. Мои братья погибли по собственной глупости и слабо-

сти, а я выжила, хоть и оказалась изрядно потрепанной. Но рядом со мной всегда был муж, которого я не могла разочаровать таким простым выходом из запутанной ситуации, как смерть. И я – выкарабкалась. И теперь у нас дочь. Я чувствовала себя совершенно счастливой и состоявшейся, моя жизнь наконец-то обрела смысл, я сумела свить гнездо, и даже птенец у меня в нем появился, пусть и не родной по крови. Но, видимо, так уж было написано обо мне в Книге Судеб там, наверху, – я ведь и сама была не родной отцу. Он удочерил меня четырехлетней, но узнала я об этом случайно, будучи уже взрослой. За все это время ни разу ни папа, ни братья мне даже не намекнули на то, что я на самом деле не Гельман, как они. Для моей семьи я всегда была своей – любимой младшей сестренкой, которой можно доверить любой секрет с уверенностью, что он секретом и останется, любимой дочерью с характером мужским и упрямым, с которой можно обсудить любые дела и знать, что поймет, не осудит, поддержит. Папа научил меня простому, но очень мудрому правилу – свой за своего. У меня ни на секунду не возникало сомнений в том, что только так и нужно жить.

Муж тоже разделял эту теорию, однако считал, что у меня – женщины – это не должно стоять на первом месте. Потихоньку, мягко, как-то совсем незаметно даже для меня, Сашка сумел воспитать во мне другое полезное умение – быть женой. Женой во всех смыслах этого слова, более того – практически в самурайских традициях. Если бы кто-то

раньше сказал мне, что я стану спокойной, уравновешенной, буду говорить тихим голосом, не срываясь по каждой мелочи в крик, я ни за что не поверила бы. Мне, избалованной, воспитанной мужчинами практически без женского участия (брат-гомосексуалист не в счет), ближе были мотоциклы и огнестрельное оружие, нежели кухонная утварь и ведение домашнего хозяйства. Но Сашка как-то ненавязчиво сумел сделать так, чтобы я сама – сама! – захотела пересмотреть свою шкалу ценностей. Да и появление в доме Сони тоже оказало на меня сильное влияние.

Девочка первое время практически не воспринимала меня как взрослую: еще бы – худая, маленькая, носившая одно время короткую стрижку, я скорее походила на подростка, чем на серьезную преподавательницу. Да и на роль мамы годилась с огромной натяжкой. Со стороны, наверное, казалось, что у Акелы две дочери… Но со временем ситуация поменялась. Соня все чаще предпочитала мое общество Сашкиному, старалась как можно больше быть возле меня, крутилась в кухне, с интересом наблюдая за тем, как я учусь готовить что-то японское, помогала по мере сил. Мы вели с ней долгие разговоры, я рассказывала какие-то сказки, которые вспоминала из собственного детства, а Соня с каждым днем раскрывалась мне навстречу, и слово «мама», вырвавшееся у нее во время первого новогоднего утренника в детском образовательном центре, куда я водила ее, было для меня лучшей наградой за все. Точно так же в свое время я ждала от

мужа – тогда еще не мужа – слов любви…

Мы стали жить чуть скромнее финансово – и не потому, что денег не было, просто мой Акела наконец получил возможность делать то, что хочет лично он, а не те, кто нанимал его на работу. А он был просто помешан на традициях средневековой Японии, и потому в квартире у нас царил мебельный минимализм, Соня воспитывалась строго, хотя и в огромной любви и внимании. Баловать ее мы как-то сразу не стали, и только папа нарушал установленный порядок, задаривая единственную внучку подарками. Запретить ему делать это мы были не в силах, и даже Акела молча махнул рукой, понимая, что переделать тестя на свою колодку не сможет.

– Ладно, пусть, – скупо бросил он мне, давая понять, что не одобряет, но и противиться не будет.

В общем, наша жизнь оказалась счастливой, спокойной и вполне удовлетворявшей нас обоих.

Неожиданно для меня Акела вдруг увлекся новым видом – тэссен-дзюцу, искусством боя на металлических веерах-тэссенах.

– Как это? – с недоумением спрашивала я, разглядывая странный предмет, ничем не напоминавший грозное оружие.

– Аля, веер – не орудие нападения. Это – защита.

– В смысле?

– В прямом. Им невозможно убить – если, конечно, не махнуть по сонной артерии. – Едва улыбнувшись, Сашка забрал у меня веер и, раскрыв, показал острый край: – Вот этим.

– Но это же сложно.

– Для этого есть специальная техника. Мой первый учитель был единственным в стране мастером тэссен-дзюцу. Не знаю, как сейчас, а в то время – да, единственным. Да и сэнсэй Табанори, к которому я езжу в Осаку, считается лучшим мастером этого вида боя. Почему-то сегодня ему уделяют мало внимания, наверное, дело в том, что техника изготовления боевых вееров практически утрачена.

Я не могла понять одного – ну, зачем ему еще и это? Ведь и так – шест бо[2], кэндзюцу[3], куда еще-то? Ведь это время… Сашка не мог относиться к делу поверхностно, если брался за что-то, то доводил до идеального состояния, следовательно, все свободное время теперь будет уходить на изучение техники боя на веерах. Я и так редко вижу его. Но что поделать – таков уж Акела.

Наша трехкомнатная квартира в старом «сталинском» доме напоминала скорее музей, чем жилище. У Акелы имелась обширная коллекция старинного японского оружия, множе-

---

[2] Деревянный шест длиной до 6 сяку (ок. 182 см) и диаметром 3 см, используемый в некоторых боевых техниках как орудие защиты.

[3] Искусство владения мечом.

ство ценных гравюр и настоящие боевые самурайские доспехи. О существовании многих вещей я даже не догадывалась, выходя за него замуж, хотя о коллекции мечей он рассказал мне как-то. Это был подарок за верную службу от одного из его прежних «работодателей» – когда-то давно мой муж был телохранителем очень высокого класса, а в случае надобности мог легко решить любые проблемы – даже кардинально и… эээ… не совсем законно.

И была в этой коллекции пара мечей, которой Сашка дорожил особенно – подарок его первого учителя, сэнсэя, как он его называл. Этими мечами в черных лакированных ножнах он мог любоваться часами, бережно протирать их специальным материалом, сдувать пылинки. Даже мне было строжайше запрещено прикасаться к ним, а сам Акела делал это исключительно в белых матерчатых перчатках.

– Лак на ножнах – вещь тонкая и нежная, чтобы не повредить, приходится вот так осторожничать, – объяснял он мне, а я уже передала домработнице Гале строжайший наказ не прикасаться к оружию. Та только перекрестилась:

– Да бог с тобой, Сашенька! Экие страсти! Пусть уж Александр Михайлович сам…

Самурайскими доспехами Акела тоже дорожил, пожалуй, больше, чем собственной жизнью, – однажды, протирая пыль, едва не уронил шлем на пол, так я на его крик бежала из кухни, испугавшись, что у мужа сердечный приступ.

– Аленька, это очень дорогая вещь, – пояснил он, когда я

ворвалась в комнату и обнаружила, что с ним все в порядке, а дело всего лишь в упавшем с манекена шлеме. – Не только по стоимости, но и по исторической ценности. Это боевые доспехи одного из даймё[4] эпохи Токугава. Я привез их из Осаки, когда был там впервые.

Сашка любовно протер тряпочкой шлем, смахнул невидимую пыль с наплечников из какого-то тяжелого металла.

– Ты только представь – эта амуниция вся целиком весила очень много, а ведь воевали самураи на лошадях. И на эту лошадь нужно было еще как-то забраться! И воспользоваться помощью слуг было нельзя – позор, самурай не должен быть слабым.

Я завороженно слушала и боялась даже пошевелиться. Рассказы мужа всегда напоминали мини-спектакли. Он умело перевоплощался то в императора, то в какого-нибудь знатного самурая высокого рода, то в простого ронина[5], а то и в гейшу. Его искренний интерес к Японии и к традициям самураев оказался заразительным, и теперь я с удовольствием сама читала книги и смотрела фильмы Куросавы. Библиотека у Акелы насчитывала больше тысячи книг о Японии и ее обычаях, попадались также редкие старинные издания на японском языке, прочесть которые я, увы, была не в состоянии.

Мне страшно хотелось выучить японский, но сперва дис-

---

[4] Элита среди самураев, военачальник высшего ранга.

[5] Свободный воин, не имеющий господина.

сертация, затем каждодневная работа на кафедре, домашнее хозяйство и маленький вертлявый ребенок, отнимавший все свободное время. Однако, несмотря на все это, я ухитрилась найти в городе курсы и вот уже почти три месяца посещала их дважды в неделю. Просить Акелу помочь я не решалась – муж был занят не меньше, уставал и был все-таки не совсем еще здоров. Кроме того, он вдруг заявил, что собирается снова поехать в Осаку, к Табанори Казуки. С этим японцем Акелу связывала давняя дружба. Тэссен-дзюцу – искусство владения боевым веером – он постигал именно у Табанори-сан, одного из немногочисленных оставшихся мастеров этого вида боя в Японии.

Ольга

– Н-да-а! – задумчиво проговорил эксперт Нарбус, разглядывая лежащий перед ним обезглавленный труп неизвестного мужчины. – Вы смотрите, Оленька, как ровненько…

Высокая стройная девушка в расстегнутой куртке и темно-синих джинсах, которой предложили «посмотреть», только головой мотнула. Находка оказалась та еще… Рухнули мечты о спокойном дежурстве, о тихой ночи в кабинете у телевизора. Черт бы побрал эту бабку с ее любопытством! Но труп и правда странный – голова отсечена так ровно, что даже никакая мысль об орудии убийства не приходит. Чем, интересно, можно так отсечь башку, а? И где она сама, кстати?

– Один удар, всего один удар… – бормочет Нарбус, аккуратно обследуя рану. – Он даже охнуть не успел, бедолажка… никаких шансов позвать на помощь…

– Чем его? – хмуро спросила Ольга.

– А хрен знает! – буркнул эксперт, сдергивая резиновые перчатки и пряча озябшие руки в карманы куртки. – У него теперь не спросишь. Всадник без головы, мать его…

– Очень смешно, – автоматически отозвалась Ольга.

– Да какой тут смех! – согласно кивнул Нарбус, уже начавший закрывать свой чемоданчик. – Первый раз такое вижу. Должны быть хоть какие-то надрубы, надсечки, отломки

костные – хоть что-то. А тут – ни фига! Ни крошки! А удар спереди нанесли – срезано снизу вверх спереди назад. Как шашкой рубанули. И головы нет… Зачем голова-то понадобилась? Как трофей, что ли?

Ольга скривилась, представив, какую боль и ужас пережил за мгновение до смерти этот неизвестный мужчина. Судя по его одежде и багрово-синюшным рукам, принадлежал покойный к малоуважаемой, но многочисленной касте бомжей. Да и наколки, явно просматривавшиеся на скрюченных пальцах, тоже говорили в пользу этой догадки.

– Потом следователь по картотеке отпечатки пробить попросит, – словно услышал ее мысли эксперт. – Судя по всему, парняга судим, и не единожды – вон, малолеточная «синька» на пальце, а рядом – уже серьезная, на взрослой такие делают.

– Спасибо, – машинально проговорила Ольга.

Она работала всего полтора месяца и за это время на труп выехала впервые – в основном ковырялась в прозекторской, а сегодня Нарбус вдруг потянул ее с собой. Валентин Станиславович, полноватый блондин из Темиртау, давно уже осевший с семьей в этом городе, испытывал к Ольге какую-то привязанность, чего не скажешь о его отношении к двум остальным интернам – Ксении и Артему. Тех он просто не замечал, а вот Ольгу нагружал, как за растрату. Дежурить с Нарбусом оставалась только Паршинцева, все интересные вскрытия проводила только Паршинцева – и так во всем. С

одной стороны, это было лестно – Нарбус считался едва ли не лучшим судмедэкспертом в городе, но с другой – хлопотно и утомительно. Если Ксюша и Артем уходили из морга ровно в три, как положено, то Ольга – не раньше семи-восьми. Если у двух остальных интернов были законные выходные, то у Паршинцевой даже в субботу-воскресенье мог зазвонить мобильный, и мягкий, с легким акцентом голос Валентина Станиславовича приглашал приехать на какое-нибудь «экстренное» вскрытие.

– Ну, что думаете? – спросил меж тем эксперт, сунув в рот сигарету. – По-вашему, на что похоже?

– А? – встрепенулась Ольга. – Вы об оружии? Даже не знаю… Края ровные, насечек нет, костной крошки – тоже… Что-то настолько острое, что отсекло голову с первого удара… Да и сила у нападавшего должна была быть приличная – убитый-то не маленький мужичонка… Рост около ста восьмидесяти, вес… ну, пусть килограммов семьдесят даже – все равно многовато.

– Ну, это дело не наше, если честно. Так и напишем – удар нанесен спереди назад снизу вверх, ориентировочно холодным режущим орудием. И пусть уже следователи об этом думают, как и о том, где же все-таки его голова. Протокол оформили?

Ольга кивнула и протянула Нарбусу несколько листков, заполненных мелким острым почерком. Шеф пробежал их глазами и одобрительно кивнул, Ольга сунула поглубже в ру-

кава куртки замерзшие руки и побрела в машину следом за Нарбусом.

Он удалялся от места убийства, держа в руках большую спортивную сумку. Старался идти спокойно, размеренно, чтобы не привлекать внимания. Вдох-выдох… вдох-выдох… ровнее дышать, ровнее, чтобы сердце не колотилось так бешено. Все прошло как нельзя лучше, именно так, как он задумал. Теперь останется только совершить все необходимые процедуры, и начало коллекции положено.

Александра

Папа в последнее время сильно сдал. Возраст, да и годы, проведенные в местах заключения, все чаще давали о себе знать. Иногда, приехав в гости, я заставала его у камина с алюминиевой кружкой, с неизменной «беломориной» в пальцах. Он смотрел на огонь и думал о чем-то. Пару раз я попыталась выяснить, о чем именно, но папа только отмахивался:

– Да перестань ты, Санька! Тебе мое грузило зачем?

Подспудно я догадывалась о причинах плохого настроения папеньки. Его внезапно стало глодать то, как он в свое время поступил с ближайшим другом и «соратником» Бесо. Дядя Бесо, вернее, его внебрачный сын и племянник жены, оказались замешаны в серии покушений на членов нашей семьи. От их рук погибли мои братья, а отец и муж едва не отправились на тот свет, прихватив было заодно и меня. Дядя Бесо не был в курсе делишек Рамзеса и Реваза, но папа считал иначе, а потому решил вопрос жестко, заставив Бесо переписать все имущество на свое имя, а потом вынудив уехать из города. Тайком от папы я все это время перезванивалась с ним – Бесо был для меня почти отец, как и второй папин компаньон дядя Моня. Старый грузин не осуждал моего папу, так и говорил – мол, на его месте я бы еще хуже поступил, это ж моя кровь, как они могли, и я в ответе теперь, так что

все, мол, правильно. Мне, конечно, это было непонятно, вот это их уголовное братство и «кровничество», но спорить я не решалась. Папа же как отрезал – никогда не говорил о Бесо вслух, будто его и не было вовсе. Даже с дядей Моней они это не обсуждали. Но, заставая папу в одной и той же позе у камина, я догадывалась, что он переживает и явно корит себя за крутость нрава.

Вот и сегодня, когда мы с Соней приехали с утра в поселок к отцу, он уже был в каминной с неизменным чифирем и «беломориной». Соня, не потрудившись даже сбросить лыжный комбинезон, надетый специально для катания с горки, забралась к нему на колени, сунула было палец в кружку, обожглась, смешно сморщилась и звонким голосом спросила:

– Деда, что ты пьешь такое… страшное?

Папа крякнул, отставил кружку на каминную полку и обнял Соню:

– Все-то тебе надо знать, коза! Сильно палец прижгла?

– Нет, – беспечно отозвалась она, развязывая шапку. – Ты поедешь с нами на горку?

– Хочешь, чтобы деда потом по костям собирали? – хохотнул папа, помогая ей раздеться. – Я же старый уже, Сонюшка, разок скачусь – и рассыплюсь.

Соня округлила глаза:

– Рассыплешься? Как Кощей Бессмертный?

– Ну, вроде того, – кивнул папа.

Сонька рассмеялась, чмокнула его в щеку и сообщила:

– Я пойду к бабе Гале! – и практически мгновенно исчезла.

Мы переглянулись, без слов понимая друг друга. Домработница Галя, как и мой отец, постоянно баловала Соню, но на свой лад – кормила пирожками, булочками и прочими сладостями, а также непременно держала в кармане фартука огромную конфету «Гулливер», которые девочка любила больше остальных вкусностей.

– Садись, Саня, – пригласил папа, указывая на кресло, стоявшее напротив него.

– Ты чего такой? – поинтересовалась я, опускаясь в кресло.

– Волосы, смотрю, совсем длинные стали, – игнорируя мой вопрос, заметил отец. – Так-то лучше, а то совсем пацан-сорванец.

– Пап, ты не увиливай – случилось что?

– А должно?

Н-да, несмотря на то что мы не были родственниками по крови, кое-какие привычки совпадали до мелочей. Манеру вот так уводить разговор в сторону я переняла у отца, и он по этому поводу страшно сердился.

– Вроде нет, – я пожала плечами и вытащила сигарету. – Но вид у тебя какой-то…

– Сегодня день рождения Бесо, – вдруг сказал папа и отвернулся к камину, снова уставился на лижущие поленья

языки пламени.

Я поняла, что момент удачный, и, быстро набрав номер мобильного телефона Бесо, протянула трубку отцу:

– Прекрати. Поговори с ним.

Глаза отца бешено сверкнули, и я поняла, что сейчас телефон мой полетит в камин, однако в этот момент раздался мягкий голос Бесо с его неповторимым акцентом, и папа вдруг, схватив трубку, заорал:

– Бесо? Генацвали, с днем рождения! Это я, Фима!

Я бросила сигарету в камин и вышла, чтобы дать отцу возможность спокойно поговорить. Мне пришло в голову, что, возможно, мое присутствие будет стеснять его – папа поклялся никогда не общаться с Бесо, но я же видела, как ему трудно, все-таки такая давняя дружба обязывает, да и пару раз они крепко выручали друг друга. Честно сказать, я изначально была очень против этого разрыва, считала, что Бесо не должен отвечать за своих родственников, но кто меня-то спрашивал… Акела же коротко и ясно дал понять, что вмешиваться я не имею права, а спорить с мужем – это совсем не то же самое, что спорить с папой.

Вспомнив, что дочь моя где-то опасно притихла, я направилась в полуподвальную кухню и, естественно, обнаружила там и Соню, и Галю. Дочь сидела за кухонным столом в фартуке, с руками, запорошенными мукой, как снегом, а Галя укладывала на противень только что слепленные пирожки. Следующая партия готовых лепешек дожидалась начинки на

столе.

– Вот вы где! – Я чмокнула Соню в макушку, и дочь проворно выскочила из-за стола и обхватила меня за талию.

– Погоди, оглашенная! – охнула Галя, сунув противень в духовку и устремляясь ко мне с полотенцем. – Все брюки матери извозюкала!

– Баба Галя, да ты что, они ведь кожановые! – с серьезным лицом пояснила Соня, и мы с Галей так и покатились со смеху.

– Соня – кожаные, ко-жа-ны-е, поняла? – по слогам пояснила я сквозь смех.

Соня надулась – она терпеть не могла критики и считала свои словечки единственно правильными.

– Галя, как у папы здоровье? – усаживаясь за стол, спросила я.

– Да как, Санюшка… Он разве скажет когда? Врача вот позавчера вызывали, сердце опять.

– А мне почему не позвонили?

– Ефим Иосифович запретил, сказал – тебе своего хватает.

– Так, Галя, чтобы больше таких разговоров не было! – отрезала я. – Он мой отец, я имею право знать.

Галя промокнула вмиг заслезившиеся глаза уголком фартука, сунулась в духовку – вроде как пирожки посмотреть, передвинула что-то на рабочей поверхности:

– Эвон как… а все говорят «кровь, кровь»… вот ты не

кровь никакая, а лучше родной ему.

– А, ты вон о чем… – Я указала глазами на замершую у стола Соню.

Галя спохватилась:

– Да, что это я… кошелка старая, раскудахталась…

– Баба Галя, кошелка – это такая сумка для продуктов, мне папа сказал, – наставительно произнесла моя дочь с серьезным видом. – Значит, она не может кудахтать. А ты – женщина, а не сумка. Вот.

Мы снова рассмеялись, с облегчением констатировав, что неприятный момент позади.

Я не говорила Соне, что мой отец – вовсе не родной мне. Так решил Акела, хотя я собиралась сразу об этом рассказать, думая, что так девочке будет легче принять тот факт, что и она – приемная. Но Саша решил, что всему свое время, да и Соня очень быстро забыла, что не всегда жила в нашем доме, и считала нас своими родителями. Отцом она отчаянно гордилась, рассказывала о нем в детском саду такие сказки, что воспитательница руками разводила, а про мою работу говорила только самым близким подружкам по секрету – «моя мама знает, как люди внутри устроены и из чего сделаны». Никому в голову не приходило, что девочка взята нами из детского дома всего два года назад.

В кухню спустился отец, и Соня мгновенно повисла на нем. Я же отметила, что его глаза как-то влажно поблескивают, а мой телефон он сжимает в руке.

– Поговорил? – невинным тоном осведомилась я.

– Да. Спасибо, Саня, – вывернул папа, протягивая мне телефон.

– Ну, как там Бесо?

– Нормально. Младшая дочь к нему переехала, зять погиб.

Это я знала, но все-таки сделала вид, что удивилась.

– Но теперь хотя бы Бесо не будет так одиноко – все-таки трое внуков, да?

– Внуки – это хорошо, – подхватив Соню на руки, изрек папа. – Да, Сонюшка?

– Да, деда! – с комичной серьезностью подтвердила она, снова вызвав у нас приступ веселья.

Ольга

Не давала покоя мысль, посетившая ее во время осмотра трупа. Ольге вдруг пришло в голову, что таким поставленным ударом мог обладать человек, владеющий техникой боя на мечах. «Надо же, – подумала она тогда, глядя, как Нарбус перечитывает протокол. – Прямо самурай какой-то работал или казак… Самурай?! А что – это ведь тоже мысль! Сейчас много народа на Японии сдвинуто – вон, суши-бары кругом, рестораны… Опять же – столько школ восточных единоборств…» Ведь на самом деле отсечь голову несчастному бомжу мог и человек, увлеченный самурайскими традициями – почему нет? Это вполне в духе того времени – опробовать, скажем, новый меч на «простолюдине». Хотя версия с казаками тоже годилась – в городе был даже казачий корпус и несколько классов в средних школах.

Всю ночь Паршинцева провела в раздумьях – говорить ли о своих мыслях Нарбусу, не вызовет ли попытка поиграть в следователя насмешку со стороны начальника? К утру в голове роились толпы самураев и казаков, размахивающих длинными мечами и шашками и кричащих что-то друг другу. Ольга потрясла головой, словно призывая непрошеных гостей угомониться и вести себя прилично, наскоро умылась под краном в туалете и поплелась ставить чайник.

Кафедра еще пустовала – лаборантка Света должна прий-

ти минут через двадцать, Нарбус закрылся в своем кабинете и наверняка еще спит. Студенты явятся к половине девятого, Ольга в это время уже будет в морге, да и раздражала ее вся эта суета. Она уже не раз ловила себя на том, что с живыми людьми хлопотно, то ли дело их клиенты – никуда не торопятся, не опаздывают, ничего не требуют, не возмущаются и не жалуются.

К ее выбору профессии мама отнеслась с ужасом – как это так, учиться шесть лет, чтобы потом всю оставшуюся жизнь потрошить мертвецов? Но Ольга была непреклонна – только судмедэкспертиза, ничего другого.

То, что живые люди со своими болезнями раздражают ее, Ольга Паршинцева поняла уже на третьем курсе, после практики на «Скорой помощи». Все эти дедушки-бабушки с гипертонией, инфарктами и прочими жалобами повергали ее в уныние. Не раз и не два Ольга подумывала о том, чтобы бросить мединститут и найти что-то другое, но всякий раз останавливала себя. И оказалась права, как выяснилось. На шестом курсе, прямо на первом же цикле в сентябре она оказалась на кафедре судебно-медицинской экспертизы и поняла, что нашла именно то место, где сможет работать спокойно и с удовольствием.

Ее не мутило при виде мертвых тел, не бросало в дрожь при мысли о вскрытии – она довольно легко бралась за скальпель и вскрывала любой труп без отвращения и вообще каких бы то ни было эмоций. Надо – и делала. Профессор Нар-

бус сразу выделил эту молчаливую худощавую девушку из толпы студентов, почувствовал в ней что-то родственное. По окончании последнего государственного экзамена Валентин Станиславович поманил Ольгу пальцем и спросил:

– Паршинцева, куда вы собираетесь двигаться в дальнейшем? В каком направлении?

– Я хотела бы работать у вас, – честно ответила Ольга, и это тоже понравилось Нарбусу – не юлит, не прощупывает почву, сразу говорит то, что на уме.

– Прекрасно. Как раз об этом я и хотел поговорить…

Так Ольга Паршинцева оказалась на кафедре судебной медицины, а заодно и в Бюро судебно-медицинской экспертизы, где Нарбус работал.

Криминалистика интересовала Ольгу мало, она хотела заниматься именно экспертизой, выявлять истинные причины смерти. Но приходилось также копаться и в так называемых криминальных трупах.

Наталья Ивановна постоянно интересовалась, не собирается ли дочь вернуться к «нормальным» людям, к живым, но Ольга только усмехалась:

– Ну, что ты, мам! Работать надо там, где тебе интересно и где от тебя есть польза. А какая польза от меня, скажем, в терапии? Она мне еще в институте опротивела, как я могу работать терапевтом?

– Ну, пусть не терапевтом. Хирургия чем плоха? – не отступала мама.

– И хирургия не плоха, и акушерство вместе с гинекологией, – согласно кивала Ольга. – Но это не мое, мама, понимаешь? Я не могу позволить себе заниматься делом, которое мне не по душе. Вряд ли папа осудил бы мое решение…

Это был, что называется, убойный аргумент – отец Ольги погиб во время пожара в госпитале воинской части, погиб, спасая своих пациентов, растерявшихся в отрезанной огнем палате, выталкивал их из окна, но сам уже не успел. За это военврач второго ранга Паршинцев был награжден посмертно. Слово и мнение отца всегда было для Ольги законом, который не обсуждается. И его пример тоже. Отец, военный хирург, не раз бывавший в «горячих точках», сумел воспитать в дочери чувство долга и привычку всегда поступать только по совести, даже если это шло ей во вред.

– Я не могу лечить людей, мама, потому что мне это неинтересно. А вот понять причину смерти – интересно, поэтому именно этим я и занимаюсь.

Мать после этого разговора долго плакала на кухне, вспомнив погибшего мужа, Ольга мучилась в своей комнате, понимая, что своим выбором профессии лишила маму ее надежд на то, что единственная дочь станет выдающимся врачом. Но и изменить свое решение тоже не могла.

…Кофе остыл, и Ольга вылила его в раковину, снова включила чайник и достала из сумки бутерброд с колбасой и сыром. Мама постоянно сетовала на то, что во время дежурства Ольга плохо и не вовремя питается, старалась сунуть ей

с собой что-нибудь. Иногда Ольга забывала о покоящемся в сумке завтраке и обнаруживала его только спустя несколько дней по характерному запаху. Но сегодня мамин бутерброд оказался кстати. Откусив кусок, Ольга снова вернулась мыслями во вчерашнюю ночь. Может, стоит пойти к следователю и рассказать о своей догадке?

Александра

– Саша, у меня новости. – Я бросила сумочку на зеркало, а варежки и шапочку – в шкаф, скинула сапоги и короткую шубку и прошла в комнату.

Муж лежал на низкой софе, забросив за голову руки. Его лицо было холодным и отстраненным, единственный глаз прищурен и смотрел в невидимую мне точку на потолке.

– Саш… – Я села на пол рядом с софой и положила ладонь на открытую вырезом кимоно грудь мужа, прикрыв вытатуированного самурая, занесшего меч над поверженным противником. – Что с тобой? Тебе плохо? Что-то болит?

– Болит? – отрешенно переспросил Акела. – Нет, не болит. Где ты была?

– На курсах. Такой мороз – ужас! От остановки еле добежала. Сонька спит? Ты ужинал?

– Я ее накормил, мы почитали, и теперь она спит.

– А сам что же с ней не поел? – ласково спросила я, поглаживая разводы якудзовской татуировки, которую так любила рассматривать.

– Как я могу ужинать без тебя? Переодевайся.

Я поспешно вскочила и побежала в спальню. Почему-то вдруг я ощутила легкое чувство вины – муж никогда не садился за стол без меня, а я сегодня позволила себе задержаться сперва на кафедре с очередной барышней, исправ-

лявшей полученную за контрольную работу двойку, а потом в магазине. Встретила соседку по подъезду, интеллигентную пожилую старушку Алису Власьевну, и та взахлеб, шепелявя от возбуждения, рассказала мне ужасную историю…

Облачившись в домашнее кимоно, расписанное аистами и цветами лотоса, я собрала отросшие до плеч кудрявые волосы в «марумагэ» – прическу замужних японок, укрепила узел двумя деревянными шпильками и пошла в комнату, накрывать на стол. Но сперва заглянула в детскую, где, раскинувшись на заправленной розовым в бабочках бельем кровати, спала наша Сонечка. Присев на край, я осторожно погладила спутанные кудряшки. С каждой минутой пребывания этой девочки в нашем доме я все сильнее проникалась к ней острым материнским чувством – она была моя, *моя*, кто бы что ни говорил об этом. Со временем Соня как будто забыла о своей жизни в детском доме, никогда не вспоминала, не рассказывала ничего – словно всегда жила с нами, называя нас мамой и папой. Психолог, к которому мы ходили всей семьей, как и было положено приемным родителям, объясняла это тем, что девочке комфортно и спокойно с нами, она доверилась нам полностью и искренне поверила в то, что мы – ее родители.

– Детская психика лабильна. Она выбрасывает негатив, едва только появляются позитивные эмоции. Девочку любят – и это хороший мотив для того, чтобы двигаться дальше, а не жить воспоминаниями о грустных моментах, – объясняла

психолог, и мы были искренне рады этому.

Поцеловав дочку в румяную от сна щеку, я вышла из детской и плотно закрыла дверь.

Пока я расставляла на столике тарелки, подставки для хаси и мисочки для соуса, Акела поднялся с софы, отошел к балкону и сделал несколько дыхательных упражнений – верный признак, что муж чем-то обеспокоен и старается взять себя в руки. Но спрашивать было не принято – когда сочтет нужным, расскажет сам.

– Так что ты говорила про новости? – спросил Акела, располагаясь за столом и наблюдая за тем, как устраиваюсь я.

– Представляешь, – начала я, отложив взятые было хаси обратно на подставку, и Акела мягко подсказал:

– Концы не должны смотреть влево – это знак угрозы.

– Ой, извини, я отвлеклась, – я поспешно поменяла расположение палочек на подставке так, чтобы их острые концы не смотрели в левую сторону, и продолжила: – Я встретила в магазине Алису Власьевну, знаешь, такая старушка с третьего этажа, она еще летом кота на поводке во двор выводит?

– Да, помню.

– Так вот. Она неделю назад нашла во дворе труп!

– Что нашла? – переспросил Акела удивленно.

– Труп, представляешь?! Самый настоящий труп… только обезглавленный. Тело лежало, а головы не было. Алиса Власьевна сказала, что эксперты между собой поговаривали, будто очень странная травма – ровный, идеальный край,

словно голову отрезали чем-то острым и в один мах…

Я вдруг замолчала, заметив, как побледнело лицо Акелы, а глаз вообще превратился в щель.

– Саша… Саш, ты что, не слышишь меня?

– Слышу, – спокойно отозвался он, однако выражение лица не изменилось. – И что? Нашли убийцу?

– Нет. Алиса Власьевна сказала, что ее уже несколько раз к следователю вызывали. Даже подозреваемых нет…

– Хватит об этом, – перебил вдруг муж, вставая с софы и направляясь в большую комнату, переделанную под спортзал. – Ужинай.

Я взялась за хаси, но есть расхотелось. Вот и Сашка встал из-за стола голодный. Что-то в поведении мужа показалось мне необъяснимым. Его чем-то задел рассказ об обезглавленном трупе, это было очень заметно. Но что такого? Разумеется, убийство в собственном дворе не очень приятная тема для разговора за ужином, однако Акела отреагировал на это более чем странно.

Кое-как заставив себя проглотить несколько роллов, я принялась убирать со стола. Это не отнимало много времени – минимум посуды, которую нужно мыть, смахнуть со стола несуществующие крошки, задвинуть сам стол в угол комнаты – и все. Со временем я научилась даже получать некое своеобразное удовольствие от домашних хлопот, к которым раньше допущена не была. Мой папа всегда оплачивал услуги домработницы, и у меня не было особой нужды в возне

с посудой и пылесосом, но постепенно муж приучил меня к мысли, что ему гораздо приятнее есть обед, приготовленный моими руками. Оказалось, что и я разделяю его мнение… Даже премудрости японской кухни дались мне почти совсем запросто, и теперь я радовала своих домашних разными диковинками.

Обстановка в нашей квартире тоже была минимальной, если не считать огромных стеллажей с книгами в коридоре да тщательно обставленной детской комнаты. Кухонька оказалась малюсенькая, и мы сразу решили снести стену и отгородить барной стойкой уголок с плитой и раковиной. Остальная часть кухни отошла в пользу столовой-гостиной, где располагались стол на низких ножках, софа, на которой любил отдыхать Акела, большой плоский телевизор на стене напротив софы. Пол застилали циновки, стены оклеены обоями, имитирующими ткань. Гравюры, изображающие самураев в бою, несколько свитков с иероглифами, самурайские доспехи на манекене, несколько подставок с коллекционными мечами – все украшение. Самая большая комната в квартире превратилась в мини-спортзал, там Акела часами отрабатывал стойки и движения, а также технику владения веером или мечом. В эти моменты я просто замирала от восхищения, сидя тихо в углу и прижав к себе Соню, – муж выглядел таким прекрасным и притягательным, что у меня щемило сердце.

Акела был старше меня на двадцать лет, а внешний вид

еще добавлял ему возраста, так что я рядом с мужем казалась совсем молодой девочкой. Но я ни за что не променяла бы его на кого-то моложе – я их просто не замечала, как вообще не замечала никаких мужчин. Мой молчаливый, одноглазый, с обожженным лицом и покрытым затейливой японской татуировкой телом муж казался мне идеальным, и желать большего означало страшно, непоправимо грешить. Он понимал меня с полуслова, с крошечного жеста, чувствовал кожей и всегда знал, как лучше для меня. Но в последнее время что-то изменилось. Саша стал молчаливее обычного, часто замирал в одной позе и как будто всматривался куда-то внутрь себя. Меня такие моменты пугали, но выяснить причину я никак не могла – любые разговоры Акела пресекал и становился мрачным и жестким, а я не любила, когда он бывал таким.

Соседи

– Вот я тебе говорю, Ильич – это наш «японец» натворил! – округлив глаза и вцепившись в рукав теплой куртки управдома, говорила Алиса Власьевна.

Она только что вернулась от следователя и там узнала новую версию убийства неизвестного бомжа.

– Он меня спрашивал – а нет ли среди жильцов дома людей, у которых может быть оружие! А ведь у японца-то наверняка есть!

Андрей Ильич сделал попытку избавиться от назойливой собеседницы и уйти, но Алиса Власьевна нуждалась в слушателе, а потому не выпускала его рукав.

– Да бог с тобой! – отмахивался управдом. – Что плетешь-то? Александр Михайлович человек порядочный, спокойный, что ты чушь всякую собираешь?!

– Да?! А зачем ему, порядочному, столько оружия в доме? – не отставала старушка.

– Да ты-то почем знаешь про его оружие?! Вот же кукушки неугомонные, до всего дело есть!

Алиса Власьевна обиженно поджала губы. Про оружие, хранящееся в квартире Сайгачевых, знали многие – из своих поездок хозяин вечно привозил что-то новое, а участковый потом приходил, осматривал, делал какие-то записи. Старушке было непонятно, почему у него первого не возникло

подозрения в отношении ее соседа, ведь все так очевидно! Полна квартира мечей, сабель каких-то…

И вообще – странный он человек, этот Александр Михайлович. И в доме у них все странно устроено. Алиса Власьевна однажды заходила к его жене Саше, собирала деньги за уборку подъезда, и пока молодая женщина рылась в сумке и кошельке, успела разглядеть прихожую и гостиную, видневшуюся из-за отодвинутой ширмы, расписанной красивыми картинками. Совсем нет мебели, вся прихожая – в книжных полках от пола до потолка. В гостиной вместо ковра на полу какие-то циновки, на стене – свитки с непонятными иероглифами. Разве нормальному человеку придет в голову так обставить квартиру? И Саша эта дома ходит со странной прической и в шелковом платье, похожем на то, что показывают в кино про Японию, и дочка у них временами лопочет на странном языке. И потом – Александр Михайлович занимается какой-то восточной борьбой, даже преподает ее в спортивном клубе – так разве не мог он отсечь голову несчастному бомжу? Да и лицо у него больше похоже на уродливую маску, какие продают в отделе всякой ерунды в близлежащем магазине. Как только ребенок не боится? По представлениям Алисы Власьевны, все странности соседа вполне укладывались в образ хладнокровного убийцы…

«М-да… Мог бы быть и поприятнее, да ладно… Работаем с тем, что есть. Грязное дело, оказывается, мне даже в

голову это не приходило. Хорошо, что отсутствует во мне чувство брезгливости. Я не боюсь крови, не боюсь смерти. Вообще мало чего боюсь. Единственное, что всегда меня пугало, это отвращение на ее красивом лице и фраза: «Ну, что ты за мужчина? Ничего не можешь!» А вот и могу, могу, дорогая!»

Ольга

Ольга мучилась своей догадкой вот уже вторую неделю. Мысль о неизвестном самурае, оттачивающем технику на бомже, не давала покоя, постоянно заставляла думать об этом. Когда же сегодня они с Нарбусом ехали на очередной труп, Ольга была почти уверена, что картину увидит такую же, как и две недели назад. И не ошиблась…

Тот же антураж – темный двор, мертвое тело без головы. Только вместо истерично оравшей старушки – парочка студентов, решивших попить пивка в подворотне. Теперь эта парочка с круглыми от ужаса глазами давала показания оперативнику.

– Смотрите – совсем как в прошлый раз, – не поднимаясь с корточек, проговорил Нарбус. – Опять ровный край, один удар… Серийник, однако.

– Да уж вижу, – хмуро отозвался стоящий рядом оперативник Карепанов, молодой, неприятный на вид мужчина в кожаном пальто и какой-то ковбойской шляпе.

«Глеб Жеглов в усеченном варианте», – с неприязнью подумала Ольга. Под усеченным вариантом она имела в виду недалекость Карепанова, какую-то отталкивающую тупость и показную неотесанность. Карепанов словно гордился тем, что его кругозор не простирается дальше игры в «подкидного дурака» и пятничного распития пива в гараже.

Когда Ольга пришла к нему со своей догадкой, Карепанов высмеял ее и попросил не соваться туда, где ей не место.

– Ты эксперт? Вот и проводи экспертизу, а в процесс следствия не лезь. Гении, понимаешь! Шерлоки Холмсы! Начитаются книжек и начинают, понимаешь, учить оперативников информацию собирать! Мисс Марпл нашлась!

Ольга поняла, что все попытки обратить внимание опера на возможную правдивость своей версии обречены на провал, а потому молча поднялась и ушла из кабинета с чувством досады и обиды.

И вот опять Карепанов не хочет замечать очевидного – ведь это уже почерк, отличительная черта конкретного преступника! Наверняка орудие убийства то же самое! И убитый – опять бомж! Ведь даже не надо быть оперативником, чтобы это понять!

Карепанов тем временем склонился над обезглавленным трупом и обреченно вздохнул. Ничего хуже не придумаешь, как иметь дело с серийным убийцей. И мотив… Какой мотив у человека, отсекающего головы бомжам? И где эти головы, кстати?

– Как вы думаете, Валентин Станиславович, куда пропадают головы? – спросил он у эксперта, поднимаясь на ноги.

Нарбус только плечами пожал. У него не было времени рассуждать на эту тему, да и к чему? Это не его дело.

Михаил

Михаил шел по улице, ежась от холода. Опять забыл дома перчатки, руки приходилось прятать в карманах куртки, чего он не любил. Анжела в очередной раз выгнала его. Михаил не понимал, чего еще не хватает избалованной красавице – вроде с деньгами проблем нет, он владеет большой сетью кафе быстрого питания, а это весьма прибыльный бизнес. Анжела может позволить себе все, что только захочет, от походов в лучшие косметические салоны и бутики до поездок на модные курорты, и даже на показы мод в Париж и Милан. Однако ее все время что-то не устраивает, всем она недовольна. И главное – она постоянно обвиняет его в мужской несостоятельности. А ведь это неправда. Просто аппетит у Анжелы такой, что и Казанова бы взмолился. Но ее упреки невыносимы.

Михаил остановился и тупо уставился на дверь, перед которой оказался. Это был его офис. Что ж, отлично, переночует здесь, благо рядом с кабинетом оборудована маленькая комнатка с диваном.

Михаил никак не мог понять, что заставляет его по-прежнему жить с Анжелой. Но страх потерять ее был сильнее всех оскорблений, что она регулярно наносила ему, сильнее всех обид. Желание быть рядом с этой женщиной перевешивало все.

Анжела родилась для того, чтобы покорять мужчин, вызывать восхищение одним своим присутствием. Тонкая, гибкая фигура, точеные ноги, длинные вьющиеся волосы цвета меди, зеленые кошачьи глаза, чувственный рот, возбуждающий немедленное желание… Такая женщина никогда не остается без внимания, где бы ни оказалась. Михаил в душе был уверен, что только его деньги привлекли внимание красавицы Анжелы, потому что внешне он ничем не выделялся. Более того – его нельзя было назвать не то что красавцем, а хотя бы мало-мальски привлекательным. Белесые волосы, ресницы и брови, бледная кожа, покрывающаяся красными пятнами в моменты волнения или просто сильных эмоций, широкие плечи, но короткие ноги, зато руки такие длинные, что создавалось впечатление, будто Михаил может коснуться ими земли, даже не наклоняясь. Анжела звала его «мой орангутанг»…

Кроме того, Михаил страдал излишней потливостью, и никакие средства не помогали. В жаркие летние дни он чувствовал себя губкой, из которой сочится вода, при малейшей возможности бежал в душ или просто менял рубашку, однако и это не спасало. Ему постоянно казалось, что от него исходит зловонный запах, и боязнь этого превратилась в манию. Михаил использовал литры туалетной воды, в результате чего за ним постоянно тянулся шлейф аромата. Сотрудники офиса прозвали его за глаза «мистер Кошарель»…

Мобильный телефон оторвал его от раздумий – это ока-

залась Анжела. Ее мелодичный манящий голос заполнил его душу:

– Мишутка? Ну, куда ты пропал? Я уже соскучилась!

И Михаил мгновенно забыл, что всего два часа назад томная красотка напоминала базарную бабу, визжащую и брызжущую слюной…

– Ангел, дорогая моя, я уже бегу!

«Успеть бы купить букет цветов… Анжела любит бордовые розы…»

Акела

– Мацумура Сокон, известный самурай, был призван однажды во дворец сёгуна. Тот хотел убедиться в том, что Мацумура на самом деле может поразить противника с помощью веера…

Акела расхаживал вдоль шеренги сидящих на пятках подростков в белых кимоно. Они не сводили внимательных глаз со своего наставника и с трепетом ловили каждое его слово.

– Слуга сёгуна передал приказ явиться во дворец и сообщил, что в качестве противника будет бык. Тогда Мацумура пошел на хитрость – десять дней подряд он пробирался в стойло, где содержался бык, и что есть силы лупил его по морде боевым железным веером до тех пор, пока бык не падал на колени. В назначенный день Мацумура предстал перед сёгуном совершенно безоружный, только с веером в руке. Этот самый веер он и развернул перед выпущенным из стойла быком. Увидев самурая, бык рухнул на колени, а Мацумура спокойно сложил веер и убрал его за пояс.

– Учитель! – раздался откуда-то из конца шеренги звонкий мальчишеский голос, и Акела обернулся. – Учитель, но ведь это обман.

– Это не обман, Витя, это военная хитрость. Самурай должен быть умным и находчивым. Ведь любому понятно, что с помощью веера невозможно победить быка. С помощью ве-

ера можно, например, изменить направление летящей стрелы или брошенного кинжала. В ближнем бою можно закрыть обзор противнику или нанести удар по слабо защищенным частям тела – по кистям рук, по шее, например.

– То есть веер – это больше орудие защиты? – не унимался Витя, и Акела удовлетворенно улыбнулся – ему нравился этот парень.

– Не совсем. Веер используется совместно с коротким мечом – танто. В этом случае веер используется как щит. Кроме того, открывая и закрывая веер, ты рассеиваешь внимание противника, и это тоже дает тебе преимущества.

– Спасибо, учитель, – паренек смущенно покраснел, и это не укрылось от Акелы.

– Не стесняйтесь спросить, даже если вопрос кажется вам глупым, – он обвел учеников взглядом. – Лучше лишний раз спросить и утвердиться в своем мнении, чем постесняться и пойти по ложному пути.

Завершив тренировку церемонией прощания, Акела прошел в душевую и долго стоял под холодной водой, подставив под струи изуродованное ожогами лицо. На душе было неспокойно и тревожно, вот уже несколько недель он не находил себе места. Происходило что-то, чему никак не находилось объяснения.

– Учитель, учитель! – вернул его к действительности голос Вити. – У вас звонит телефон!

– Да, спасибо.

Завернувшись по пояс в полотенце, Акела прошел в тренерскую и взял со стола мобильный. Звонила жена:

– Сашенька, извини, что отвлекаю тебя. Ты поздно сегодня вернешься? – голос был каким-то странным, напряженным.

– Я уже собираюсь уходить, значит, через час буду. Случилось что-то?

– Я не хочу по телефону… Ты возвращайся скорее, пожалуйста…

Она бросила трубку, и Акела обеспокоенно подумал, что все-таки произошло что-то, иначе Алька не позвонила бы ему – никогда не была истеричкой. Он наскоро оделся и поспешил на остановку.

Ольга

– Оленька, ты совсем ничего не ешь, – заметила Наталья Ивановна, наблюдая за тем, как вернувшаяся с дежурства дочь вяло возит ложкой по тарелке с супом.

Они сидели в маленькой кухне, где пахло борщом и жареной картошкой, а на подоконнике цвели фиалки и герань.

Ольга даже не услышала вопроса, продолжая думать о своем. Мысль об убийце-самурае разъедала ее изнутри, как раковая опухоль, Ольга не могла работать, не могла спать, есть…

Равнодушие оперативников задело ее, девушка не могла понять, как можно отмахиваться от версии, пусть даже она бредовая и неправдоподобная. Ведь в кино любая версия тщательно проверяется и отрабатывается…

– Ты меня не слушаешь, что ли? – Наталья Ивановна слегка толкнула дочь в локоть, и Ольга потрясла головой, отгоняя мысли:

– Нет, мама, слушаю…

– Тогда повтори, что я сейчас сказала! – потребовала она, и Ольга понурилась.

– Мам… ну, проблемы у меня на работе, никак не могу отвлечься, прости…

Наталья Ивановна понимающе улыбнулась. Конечно, она до сих пор не могла смириться и принять выбор дочери, од-

нако ее увлеченность работой не могла не радовать. Ольга своей серьезностью напоминала отца – тот тоже считал, что свое дело нужно делать только с полной самоотдачей, иначе это уже не работа, а халтура. Но одержимость дочери порой пугала Наталью Ивановну – у нее совсем не оставалось времени на личную жизнь, не было любимого человека, даже просто какого-нибудь приятеля, с которым ходят в кино. А ведь пора бы уже подумать и о семье.

– Ты, Оленька, хоть бы сходила куда, – предложила она, убирая тарелку с почти нетронутым борщом и придвигая новую, с румяным картофелем.

– Куда? – не понял Ольга, беря вилку и замирая над очередным блюдом.

– Ну, не знаю – в кино там или на концерт какой…

– В кино… – повторил Ольга, чувствуя, как в голове зарождается какая-то мысль. – В кино, в кино… Мам, ты гений! – выкрикнула она неожиданно, поняв, что именно ей следует сделать, и принялась споро поглощать жареную картошку.

– Да что с тобой сегодня? – удивленно спросила мама, наблюдая за тем, как быстро исчезает с тарелки еда. – То сидишь и не ешь ничего, а то мечешь, как пять дней голодала?

– Потом, мамуля, все потом! – Ольга вскочила, чмокнула мать в щеку и убежала в прихожую, а через пару минут хлопнула входная дверь.

Ольга остановилась только у автобусной остановки, за-

метив, что вызывает удивленные взгляды прохожих, пошла медленнее, стараясь восстановить дыхание. Она твердо знала, куда направляется – в большой музыкальный магазин на центральном проспекте, там отличный выбор дисков и кассет с фильмами. Возможно, просмотрев что-то про самураев, она, Ольга, сможет найти ответ на мучивший ее вопрос.

В магазине Ольга даже растерялась сначала от обилия ярких коробок, но к ней уже спешила высокая стройная блондинка с копной кудряшек, кокетливо подобранных кверху ярким голубым шарфиком:

– Вам помочь?

– Да, если можете… Я ищу фильмы о средневековой Японии и, если возможно, что-то о современных самураях.

Продавец отошла к стеллажу, начав рассматривать выставленные там диски, а Ольга обвела взглядом просторный зал магазина и вдруг остолбенела. Прямо на нее двигалась неземная красавица, стройная, высокая, медноволосая, в дорогой норковой шубке дымчато-голубого цвета и высоких лаковых сапогах на тонкой шпильке. Что-то в облике женщины показалось ей смутно знакомым, узнаваемым… И этот жест, которым она небрежно отбросила за спину волосы… Ольга взглянула в лицо девушки и обомлела – Анжелка, Анжелка Сокольникова из параллельного класса! Вот так да…

– Анжела? – не очень уверенно произнесла она, протянув руку и коснувшись рукава шубки.

Девушка, уже начавшая рассматривать полки, обернулась

и тоже ахнула:

– Ольга?! Ольга Паршинцева?! Ольга из одиннадцатого «А»?

– Ну да! – радостно подтвердила она, разглядывая старую знакомую с интересом. – Ну, ты изменилась, Анжела! Еле узнала, честное слово! Всегда была красавица, а теперь… просто высший класс!

Анжела кокетливо поджала губы и прищурила ярко накрашенные глаза:

– А ты, Олечка, все такая же… Милая девочка-зубрилка.

– Я уже не зубрилка, между прочим, – слегка обиделась Ольга, и Анжела рассмеялась:

– Не дуйся, я пошутила! Никогда не считала тебя зубрилкой, наоборот – удивлялась, откуда ты столько всего знаешь. Где работаешь, Олечка?

– В судмедэкспертизе.

Идеально выщипанные брови Анжелы от удивления выгнулись дугой.

– Это что же – с покойниками возишься?

– Боишься – от шубы трупами запахнет? – насмешливо спросила Ольга, кивнув головой на свою руку, так и замершую на мягком голубом мехе.

Анжела чуть смутилась, порозовела и помотала головой. Ольга улыбнулась и отпустила ее рукав:

– Странные существа – люди. Надо бояться живых, а мертвые вообще никакой угрозы не таят. Но что мы обо мне

да обо мне? Ты-то как? Замужем, небось?

– И да и нет, – загадочно проговорила Анжела. – Это неинтересная тема, знаешь ли… Ты торопишься?

– Нет, я совершенно свободна до завтра, – радостно сообщила Ольга. – Можем посидеть в кафе.

– И посидим! – кивнула Анжела. – Только давай сперва диски глянем, а то мне вечером совершенно нечего делать будет.

Анжела пошла в отдел «ужастиков», а Ольга повернулась к терпеливо ожидавшей конца беседы девушке-продавцу. Та держала в руках внушительную стопку дисков:

– Вот… все, что удалось найти. Выбирайте.

У Ольги мелькнула шальная мысль купить все, не перебирая коробки, но потом она вспомнила, что собралась с Анжелой в кафе, следовательно, стоило быть экономнее. Она наскоро отобрала несколько дисков и пошла к кассе. Вскоре к ней присоединилась и Анжела, небрежно обмахивающаяся тремя плоскими коробочками с кровавыми рисунками и ужасными мордами на этикетках.

– Люблю на ночь нервишки пощекотать, – объяснила она удивленной Ольге.

Расплатившись за покупки, они вышли из магазина и попали под снегопад. Снег валил хлопьями, оседал пушистыми перьями на ветках деревьев, на шапках прохожих, на тротуарах и невысоких металлических заборчиках, огораживавших клумбы. Анжела накинула капюшон, натянула лайковые

перчатки и вопросительно взглянула на Ольгу. Та мучительно соображала, куда же пригласит ее приятельница, в какое именно место. Беспокоил еще один щекотливый и неприятный вопрос – деньги. В кармане лежало всего несколько купюр, тысячи полторы, а внешний вид Анжелы красноречиво свидетельствовал о том, что в заведение из серии «поел – убери за собой» она не заглядывала со времен школьной юности. Проницательная Анжела уловила замешательство и мягко взяла Паршинцеву под руку:

– Идем, Олечка, я знаю хороший бар здесь, за углом, там варят прекрасный кофе, можно курить… И цены демократичные. Я, конечно, могу заплатить за тебя, но согласись – это как-то… И потом, зная тебя, не думаю, чтобы ты согласилась, правда? – она лукаво взглянула в ее глаза, чуть отогнув край капюшона, и Ольга утвердительно кивнула. – Ну, я так и думала. Идем, в «Карамболе» на самом деле все так, как я сказала.

Акела

Он взлетел по ступенькам на свой пятый этаж, торопливо открыл дверь и с порога крикнул:

– Аленька, ты дома?

– Да, я в спальне, – раздался голос жены, и Акела немного успокоился.

Чувство беспокойства и тревоги не отпускало его всю дорогу до дома, он не мог представить, что стряслось у Али, если она решилась позвонить ему на работу – это было не принято. И сейчас, застав ее дома, Акела окончательно взял себя в руки. Когда дело касалось жены и дочери, он забывал свои самурайские привычки и правила, хотя не показывал этого, считая все-таки это проявлением слабости, недостойной мужчины. Алю он очень любил, старался оберегать от неприятностей, однако был требовательным и порой даже жестким. Но у него всегда находилось время, чтобы выслушать ее, дать совет. Его радовало, что жена стремится разделить его образ жизни, что она предпринимает попытки выучить японский, читает книги из его библиотеки и интересуется всем, что связано с ним. Да и Соню Аля воспитывала так, как хотел Акела, – девочка, при всей своей непоседливости, была все-таки упорной и непременно должна была довести любое начатое дело до конца, будь то загрузка посудомоечной машины или картинка к празднику для де-

да. Став отцом в том возрасте, когда многие его сверстники уже подумывают о внуках, Акела старался дать приемной дочери все что мог. Он считал необходимым окружить девочку атмосферой любви и уважения, интереса к ее маленьким делам и проблемам, а потому каждую свободную минуту проводил вместе с ней – читал, играл, рисовал и потихоньку учил японскому языку, которым сам отлично владел. Смышленая Соня схватывала конструкции на лету, и дело продвигалось довольно быстро.

Сейчас, обеспокоенный звонком жены, Акела не мог думать ни о чем, кроме того, что же произошло в его семье. Убрав куртку в шкаф, он сразу прошел в спальню, где обнаружил Алю лежащей в постели в теплом халате.

– Что с тобой? Ты заболела? – Он сел рядом и коснулся ладонью ее лба.

Аля отрицательно покачала головой, поежилась, обхватила себя руками за плечи и посмотрела на мужа виноватым взглядом:

– Саш… мне нужно тебе сказать кое-что…

– Что?

– Я сегодня очень сильно поссорилась с Алисой Власьевной во дворе, – призналась она, опустив гладко причесанную голову.

– И все?! – с облегчением выдохнул Акела, в голове которого уже возникли ужасающие картины болезней жены или дочери, перед которыми он окажется бессильным.

– Ты не представляешь, что она говорит! – горячо воскликнула Аля, сжав кулачки. – Она всем соседкам рассказывает, что это ты убил того человека – помнишь, я говорила? Как тебе темка?!

Глаз Акелы превратился в щель, тонкие губы поджались, и от всей его фигуры вдруг повеяло каким-то холодным напряжением.

– Не слушай старых сплетниц.

Он развернулся и вышел из комнаты, а через несколько секунд глухо стукнулась в стену ширма, отделяющая спортзал от коридора – значит, пошел заниматься. Саше стало неуютно – она ждала, что муж отреагирует как-то иначе, станет опровергать болтовню Алисы Власьевны, но он только рассердился и ушел в зал, где сейчас будет работать до ужина, хотя только что пришел из клуба. Это верный признак сильного волнения и душевной тревоги.

Акела осторожно вынул из сейфа в небольшой нише предмет, напоминающий кинжал в ножнах. Вещь была явно старинная, украшенная яшмой. Бережно держа предмет на вытянутой ладони, Акела всматривался в отсветы настенных светильников, отражающиеся в крупных камнях на рукоятке. Резким движением он развернул руку, и оказалось, что держит он вовсе не кинжал, а металлический веер, разложившийся от взмаха. Довольно толстые резные пластинки, удобная рукоять, которую плотно обхватили сильные паль-

цы, а самый верхний край настолько острый, что мог соперничать с бритвой. Это и был тэссен – боевой веер, искусством работы которым Акела теперь владел почти в совершенстве. Кроме того, в сейфе лежал еще один веер, попроще, без украшений и излишеств. Его Акела использовал во время тренировок. Веер принадлежал отцу его матери – известному востоковеду, осужденному в свое время как японский шпион. Дед умудрился сохранить драгоценное оружие каким-то непостижимым образом даже в лагере в глухой сибирской тайге. Настоящее сокровище для тех, кто понимал.

Мать часто рассказывала маленькому Саше историю жизни его деда, рассказывала как сказку на ночь, и в памяти мальчика дедушка запечатлелся сильным великаном. Позже, увидев старые фотокарточки, Саша почувствовал укол разочарования – дед оказался маленьким, сухоньким старичком с длинными вислыми усами и совершенно плоским лицом, изборожденным морщинами.

Мама всегда говорила о своем отце почтительно и восхищенно, и Александру передалось это уважение к деду, однако несходство реального образа и того, что рисовало воображение, немного пошатнуло его веру. Но не уменьшило интереса к восточной культуре. Возможность изучать ее дал университет, а боевые искусства – различные полулегальные школы карате и дзюдо. Но по-настоящему больших высот Акела достиг в кэндзюцу, а затем и в тэссен-дзюцу, которым увлекся очень основательно. В первой же поездке в Осаку

на чемпионат он поразил даже местных мастеров и тогда же познакомился с Табанори Казуки, который и предложил ему свою помощь в дальнейшем изучении интересовавших Акелу техник. Табанори был едва ли не единственным мастером тэссен-дзюцу, так как уже много лет этот вид единоборства не получал должного развития. В странном человеке из России, с его обожженным лицом и отсутствующим глазом, старик Табанори разглядел талант и упорство в достижении цели, а потому подошел к нему после окончания чемпионата и на ломаном английском заговорил о перспективах. И был крайне поражен, когда тот ответил на вполне сносном японском. Так между ними возникла симпатия, и Акела стал по мере возможности приезжать к Табанори в его маленькую школу и наравне с тремя его учениками-японцами постигать хитрости обращения с таким мирным на первый взгляд предметом, как веер.

И вот этот почти антикварный тэссен, что держал сейчас в руках Акела, был подарком Табанори-сан. Он принадлежал роду Табанори на протяжении многих лет, и решение отдать такую реликвию говорило о высшем расположении наставника. Акела очень берег веера, никогда не забывал запереть дверцу сейфа, вмонтированного в нишу-таконом специально для хранения тэссенов. Сверху сейф маскировал длинный свиток с иероглифами, на котором было начертано тушью танка Фудзивары Киёскэ. Акела доставал веера только в минуты сильного волнения, как будто старинное оружие

могло успокоить, вселить уверенность. Выполняя упражнения и принимая боевые стойки, он приходил в себя, а взмахи веера изгоняли все дурные мысли.

– Саша, все готово, – прошелестел из-за чуть раздвинутой ширмы голос жены, и Акела защелкнул тэссен.

Аля за несколько лет совместной жизни хорошо усвоила все его привычки и правила этикета, которых Акела придерживался многие годы. Ни разу за все время, что они жили отдельно от ее отца, она не сделала и не сказала ничего, что рассердило бы или вывело его из себя, хотя прежде непростой нрав и склонность жены к авантюрам доставляли Акеле немало беспокойств. В последнее же время он иногда поражался тому, насколько тонко чувствует его Аля, как улавливает каждое его движение, правильно понимает любой взгляд. Это было очень ценным качеством для фанатично следующего самурайскому кодексу Акелы. Его раздражали современные девицы – вульгарные, хамовитые и размалеванные студентки, которых он встречал в медицинском институте, когда приезжал встретить жену с работы, или слишком расчетливые зубастые дамочки из маленьких городков и поселков, так и высматривающие, где бы найти себе мужа-спонсора. Аля оказалась именно той женой, какую он себе и хотел. Акела постоянно чувствовал желание защищать ее, опекать, оберегать. Иногда в выходной он мог позволить себе отступить от правил и сам готовил обед и ужин, что умел делать не хуже шеф-повара в японском ресторане. Он

довольно редко говорил жене о своих чувствах, но она и не требовала – ей достаточно было просто его улыбки, ласкового прикосновения ладони к щеке. В такие моменты Акела понимал, что семейная жизнь полностью сложилась и соответствует его идеалу.

Ольга

Третий обезглавленный труп принадлежал женщине. Совсем молодой женщине, однако тоже бомжеватого вида. Грязное пуховое пальто некогда фиолетового цвета, сейчас залитое кровью, заношенные сапоги-дутики, руки характерного багрово-синюшного оттенка, неоднократно обмороженные и давно не мытые. Головы не было, что, впрочем, уже не удивляло ни оперативника Карепанова, ни эксперта Нарбуса, ни даже интерна Паршинцеву. Женщину нашли за пустующим ларьком недалеко от железнодорожного вокзала. Новая дворничиха решила осмотреть всю вверенную ей территорию и, заглянув за полуразрушенный ларек, еле успела добежать до здания вокзала и сообщить о находке первому встретившемуся ей по пути милиционеру. После чего благополучно упала в обморок прямо ему под ноги.

Карепанов, присев на корточки, рукой в резиновой перчатке пытался найти в карманах пальто убитой хоть что-то, что помогло бы установить ее личность, но не обнаружил ничего, кроме мятой десятки, дешевой синей зажигалки и тюбика помады. Эта последняя находка вызвала у него усмешку.

– Ты глянь – баба даже в таком виде баба, ишь, помаду в кармане таскала. С накрашенными губами больше денег давали, что ли?

Ольга скривилась и отвернулась. Карепанов раздражал ее все сильнее, и, как назло, общаться с ним приходилось все чаще.

Нарбус покашливал – простыл в кабинете, где всегда открывал окно, чтобы хоть немного рассеять табачный дым, и теперь недомогал и злился на все и вся.

– Ольга, помогите, – попросил он раздраженным голосом, и Паршинцева присела рядом, поворачивая обезглавленное тело на бок.

В луже крови, натекшей под спину трупа, Ольга заметила не то камешек, не то осколок пивной бутылки и потянулась к нему пальцем в резиновой перчатке. Ковырнув, извлекла предмет и подбросила на ладони – это оказался камешек размером с пробку от бутылки, округлый с одной стороны и плоский с другой.

– Что у вас там, Ольга? – по-прежнему раздраженно спросил Валентин Станиславович, которого забивал кашель.

– Да вот, нашла…

– Что, покажи! – мгновенно метнулся к ней Карепанов, и Ольга протянула раскрытую ладонь с лежащим на ней камешком. – Ого… под трупом лежал? – подцепив находку двумя пальцами и разглядывая ее на свет, спросил оперативник.

– Да. Что это?

– Это, если я правильно понимаю, какой-то камень, выпавший из украшения. Видишь, одна сторона плоская, как

будто ложе, а вторая – выпуклая, как капля? И, насколько я понимаю, украшение это ну никак не могло принадлежать нашей красавице, – Карепанов кивнул на тело женщины. – Потому что, будь у нее хоть что-то мало-мальски ценное, она мигом в лавку за спиртом сбегала бы, чтоб погреться – мороз-то нешуточный.

– А может, это совсем не ценный камень, а обманка? – спросила Ольга с сомнением. – Ведь есть такие украшения, в которых используют стекло, ограненное под драгоценные камни…

– Эх, Оленька… – со вздохом проговорил Карепанов, насмешливо глянув на девушку. – Делать-то делают, да только вот это – настоящая яшма, я тебе со всей ответственностью говорю – у меня тесть на камнях помешан, вся квартира завалена и драгоценными, и полудрагоценными, да и вообще всяким хламом. Так вот это – желто-коричневая яшма, поделочный камень. Сам по себе не особенно дорогой, но в изделии приобретает определенную ценность. Только что это было – брошь, наверное, или кольцо? Правда, для кольца великоват булыжник…

– Ну, кольца тоже разные бывают, – подавив приступ кашля, выговорил Нарбус. – Сейчас вон чуть не с блюдце величиной. Вчера у своей Стаськи такое видел – чайную чашку удержать можно на кольце.

При упоминании о Стаське, старшей дочери эксперта, Ольга хмыкнула. Надменная красотка часто бывала на ка-

федре с единственной целью – одолжить у отца очередные тысячу-две. О том, что Станислава играет на автоматах, Нарбус не догадывался, а Ольга не говорила – к чему лезть в чужую семью? К тому же сама она узнала об этом пристрастии дочери своего начальника случайно, заметив как-то белокурую Стаську выходящей из зала игровых автоматов и направляющейся к ближайшему банкомату.

Карепанов упаковал находку в небольшой пакетик и принялся составлять описание вещдока, а Ольга помогла Нарбусу закончить осмотр трупа и, пока эксперт, кашляя и ругаясь вполголоса, заполнял строчки протокола, собрала в чемодан все инструменты.

– Н-да… А головы опять нет, – протянул Карепанов, оглядываясь по сторонам, точно искомая голова могла обнаружиться где-то поблизости. – На кой черт этому маньяку отсеченные бошки, а? Коллекционирует?

Ольга поежилась, а Нарбус спокойно закурил и проговорил, снова кашляя:

– А вы не помните, как два года назад трое студентов-медиков вынесли из анатомички института голову и проехались с ней по всему городу, упаковав в полиэтиленовый пакет? А потом и вовсе бросили у какого-то ларька? И все ради чего? Чтобы перед девчонками покрасоваться. Тьфу, уродцы…

Эту историю Ольга тоже слышала, ее тогда обсуждал весь город, парней с треском отчислили и завели уголовное дело,

а в анатомичку запретили проносить сумки и вообще любые вещи.

– Ну, не думаю, что тут кто-то решил девушку поразить широтой натуры и отсутствием каких-то комплексов, – пробормотал Карепанов, роясь в карманах плаща. – Это уже клиника какая-то – бомжи, головы пропавшие… бр-р-р, какая хрень! Кстати, Валентин Станиславович, а ваша помощница-то решила стать второй мисс Марпл, – с усмешкой бросил он, чуть покосившись на Ольгу.

– В смысле? – не понял эксперт, борясь с приступом кашля.

– А вот в том самом смысле, что она тут мне версии выдвигает. Самурай, говорит, завелся в городе. А вот интересуюсь я знать – почему ты на казаков-то не грешишь, Ольга? Может, это кто-то из казачьей сотни упражняется?

– Нет, – спокойно ответила чуть покрасневшая Паршинцева, которой было очень неприятно, что опер пытается выставить ее идиоткой в глазах наставника. – Нет – потому что казаки оставили бы голову на месте. А вот у самураев существовал обычай изготовления бундори.

– Чего? – переспросил Нарбус, заматывая шарф вокруг шеи и стараясь надвинуть поглубже шапку, чтобы не так дуло в уши.

– Бундори, Валентин Станиславович. Это как трофей, как скальп у индейцев, только… голова поверженного врага.

– Откуда познания такие, девушка? – снова усмехнулся

Карепанов.

– Ну… сейчас ведь много книг, кассет…

– Во-от! – воскликнул оперативник, подняв вверх палец. – Именно! Именно это – много кассет, книг и прочей ерунды, насмотревшись и начитавшись которой каждый интерн считает себя сыщиком круче Пинкертона! Предупреждаю – не доставай меня своими теориями, Паршинцева! Не лезь в следственный процесс!

– Но…

– Все, никаких но! – отрубил Карепанов, направляясь к милицейской «дежурке». – Если закончили, то давайте уже поедем отсюда.

Нарбус последовал за опером, а Ольга все еще топталась на месте, мрачно наблюдая за тем, как санитары упаковывают тело в черный полиэтиленовый мешок и грузят в подогнанную машину.

– Ольга! – окликнул Нарбус. – Поехали!

– Нет, я на автобусе, – отказалась Паршинцева и побрела в сторону остановки.

«Ну, что за морда? Неужели в таком молодом возрасте можно так опуститься? – он с отвращением взирал на мертвое лицо и морщился. – Это ж сколько грима надо, чтобы привести тебя в должный вид?»

Теперь процедура стала уже почти привычной, руки работали механически, выполняя все необходимые манипуля-

ции, а тошнота практически прошла. Оказывается, ко всему привыкаешь, и любое действие становится в конце концов обыденным.

Михаил

– Мишутка, на носу выходные! – капризным тоном объявила Анжела, вытянув на подлокотник его кресла длинные ноги с ярко-красными ноготками. – Как мы их проведем?

Михаил машинально опустил руку на гладкую кожу, провел снизу вверх, но думал о чем-то своем, и Анжела толкнула его в локоть второй ногой:

– Ты меня не слушаешь?

– А? Нет-нет, дорогая, конечно… все, что хочешь, – пробормотал он, и Анжела разозлилась:

– Ну, разумеется! Все, что хочу! Что ты вообще позволяешь себе, а? Я разговариваю сама с собой, а ты витаешь где-то в облаках! Мне надоело это, Миша!

Михаил понял, что допустил оплошность и сейчас ему грозит крупный скандал. А потому поспешно опустился на пол и поцеловал Анжелину коленку.

– Прости, Ангел, я задумался… на работе неприятности…

– Меня не интересуют твои неприятности! – высокомерно заявила Анжела, прикусив нижнюю губу. – Меня интересуют выходные!

– Скажи, чего бы ты хотела, и я выполню любую просьбу, – смиренно проговорил Михаил.

Он не мог объяснить этого удивительного феномена – Ан-

жела порой выводила его из себя своими капризами и хамством, но он терпел это, молча снося все колкости и обиды, потому что боялся потерять ее. Он терпел даже постоянное присутствие и в квартире, и в кровати ее мерзкой собачонки – той-терьера Пушка. Какой, к черту, Пушок, если эта дрянь была абсолютно голой! И это вечно дрожащее собачье Квазимодо на тонких лапках и с выпученными круглыми глазами Анжела любила едва ли не больше, чем всех остальных живых существ. Едва ли не больше, чем саму себя, и уж точно гораздо больше, чем Михаила. Именно этому бобику Анжела покупала разнообразные одежки, какие-то фантастически дорогие консервы, потому что эта пакость ничего другого не ела, возила его в парикмахерскую стричь когти и везде таскала с собой. Михаилу порой казалось, что исчезновение Пушка расстроит Анжелу гораздо сильнее, чем сообщение о том, что он, Михаил, угодил в больницу, например.

Михаил сел на ковер, положил голову на колени Анжелы и заглянул ей в глаза.

– Ну, не сердись, прошу тебя… Скажи, чего бы ты хотела, а? Хочешь, полетим на Мальдивы? Я сниму номер люкс, и мы проведем там все выходные, начиная с пятницы? Ты будешь лежать в постели столько, сколько захочешь, а я буду ухаживать за тобой… Шампанское, море клубники со сливками, икра… океан, пляж, белый песок… Хочешь? Ну, соглашайся, Ангел, я тебя прошу…

Анжела покапризничала еще пару минут, но потом согла-

силась, в знак примирения чмокнув его в щеку. Михаил возликовал – мир в семье восстановлен хотя бы на выходные…

Акела

Он возвращался домой после тренировки. Сегодня почему-то чувствовалась моральная опустошенность, усталость, навалившаяся на плечи и пригибавшая его к земле. Уже давно Акела не пребывал в подобном состоянии, и это раздражало. Умение контролировать свои эмоции всегда было сильной стороной, он не позволял себе раскисать или предаваться унынию. Но в последние несколько недель ему никак не удавалось держать себя в руках. Акела раздражался по любому ничтожному поводу, с трудом подавлял вспышки гнева. Бедная Аля сновала по квартире как мышка, стараясь не попадаться мужу на глаза, уводила Соню в детскую и сидела там с ней, хотя в разговорах с домашними Акела все-таки старался сдерживаться.

Бросив сумку в угол, он убрал в шкаф куртку и прошел сразу в спортзал, задвинул за собой роликовую дверь и плашмя упал на маты, уставился в потолок.

«Где и когда я совершил ошибку? Когда и как?»

В дверь осторожно постучали:

– Саш… ты будешь ужинать?

– Нет.

– Можно мне войти? – И, не дожидаясь ответа, Аля раздвинула двери и вошла.

Вид мужа, раскинувшегося на матах, напугал ее, девушка

приблизилась и, опустившись на колени, положила руку на его грудь:

– Что с тобой? Ты не заболел?

Акела накрыл ее маленькую ладонь своей чуть обветренной рукой и закрыл глаз.

– Нет, я здоров, Аленька.

– Тогда… что случилось? Ты уже столько времени сам на себя не похож.

– Полежи со мной, – вместо ответа попросил он, чуть потянув Алю на себя.

Она послушно легла рядом, устроив голову на его плече, и замерла, прислушиваясь к напряженному дыханию мужа.

– Как твои дела на курсах? – вдруг спросил он, и Аля изумленно подняла голову.

– Трудновато, – честно призналась она. – Говорить намного проще, чем читать и писать. Такие конструкции непонятные, и к тому же иероглифов слишком много, я просто не в состоянии запомнить… Мне кажется, даже Сонька лучше меня соображает уже.

– Во всем нужна система, Аленька, и в изучении языка тоже, – спокойно проговорил муж, по-прежнему не открывая глаз. – Если хочешь, посиди с нами после ужина, послушай, как я с Соней занимаюсь, может, тоже поучаствуешь. Нужно же мне знать, насколько хорошо моя жена владеет языком, – грустно улыбнулся он, садясь.

Аля удивилась и обрадовалась этому предложению, вско-

чила и проворно побежала в кухню, начала накрывать на стол, аккуратно расставляла на столе тарелочки с соусом и васаби, пиалки для супа и плоские подносы для суши. Поколебавшись, убрала назад в навесной шкафчик бутылку саке – муж ничего не сказал по поводу спиртного, значит, вряд ли станет пить его. Иначе спросил бы, поставила ли Аля саке в горячую воду.

Акела чуть задержался, принимая душ, и Александра уселась на пол рядом со столом, вытянув ноющие от высоких каблуков ноги. Близилась сессия, и ей приходилось много времени тратить на сдающих «хвосты» студентов, пропадать в анатомичке до вечера.

Акела с повисшей на его шее Соней неслышно вошел в гостиную и увидел, что жена сидит спиной к двери, вытянув ноги, прикрытые до щиколоток бледно-розовым кимоно. Из высокой прически выбилась темная кудрявая прядь, извивалась по длинной шее за воротник, напоминая змею. Акела приблизился и убрал локон, заставив Алю вздрогнуть.

– Вы напугали меня… Садитесь, я сейчас…

Но он удержал ее за руку, усадил на место:

– Я сам. Садись, красавица, – это относилось к дочери, и Соня мигом заняла свое место за столом.

– Асита ва наниёби десу ка?[6] – неожиданно спросил ее отец, подхватив кусочек рыбы и лукаво прищурив глаза.

Соня порозовела, с трудом отыскивая в памяти слова,

---

[6] Какой завтра день недели?

обозначающие завтрашний день недели:

– Асита… ва каёби… десу.[7]

Акела ободряюще кивнул:

– Ну, видишь? Ведь ничего сложного. Завтра вторник. А как спросить, какое число сегодня?

Соня задумалась, припоминая конструкцию предложения, а потом виновато взглянула на отца:

– Подскажи начало…

– Ну-ка, мы маму спросим, – улыбнулся он, и Аля проговорила:

– Ке ва… – и дочь тут же подхватила:

– Все-все, вспомнила! Ке ва наннити десу ка?[8] Правильно?

Акела рассмеялся:

– Правильно. Ты умница. Да и мама у нас тоже молодец, все и не настолько плохо, как она мне тут рассказала. Вполне прилично, во всяком случае, на уровне бытовых разговоров вполне можешь управиться.

– Нет, мне не надо на уровне бытовых! – с жаром возразила жена, довольная похвалой. – Я ведь учу для того, чтобы читать, а не про дни недели разговаривать!

– И прекрасно, – согласно кивнул Акела. – Но начинать все равно нужно с простых фраз и выражений. Если получится, летом возьму вас с собой в Осаку, там и сможете по-

---

[7] Завтра вторник.

[8] Какое сегодня число?

практиковаться.

– Аригато[9], – пробормотала Соня, а Аля ласково потрепала ее по кудрявым волосенкам:

– Ты ешь давай, аригато! – И девочка снова взялась за хаси.

[9] Благодарю.

Михаил

– Ты уходишь? – Анжела удивленно приподняла правую бровь и наблюдала за тем, как Михаил неуклюже пытается попасть ногой в брючину, балансируя и стараясь не упасть.

– Да, дорогая, мне нужно…

– Надолго?

– Надеюсь, что нет.

Анжела недовольно фыркнула, дотянулась до лижущего лапу Пушка, прижала его к себе и заворковала:

– Вот так, мое сокровище, только ты меня никогда не бросаешь, только ты всегда будешь со мной… Сейчас мамочка тебя покормит, помоет, и мы с тобой поедем по магазинам. Да?

Михаил испытал легкое раздражение – и тон Анжелы, и смысл ее слов ему не нравились. Сейчас будет час возиться со своей шавкой, купать в шампуне, сушить феном, потом нацепит на животину какой-нибудь дурацкий комбинезон и шапочку, сунет себе под шубу и поедет в торговый центр тратить деньги. Это Анжела умела как никто. С легкостью могла спустить пару тысяч долларов просто на безделушки, которым потом не могла найти применения. Михаил, с одной стороны, сердился, но, с другой, понимал, что запретить капризной девушке делать это не может. Он отдавал себе отчет в том, что основу их отношений составляют деньги, но

изменить ничего не мог и не хотел. Материальных проблем он не испытывал, так что пусть Анжела развлекается так, как хочет.

Ольга

Паршинцева спала после ночного дежурства. В комнате было открыто окно, и Ольга ежилась под тонким одеялом, но вставать и устранять причину дискомфорта не хотела, ленилась.

– Ма-ам! – крикнула она, надеясь, что Наталья Ивановна не ушла в магазин.

Никто не отозвался, и Ольге пришлось выбираться из-под одеяла и, покрываясь от холода мурашками, закрывать окно. «Черт… ну и холодина!» Она юркнула обратно в постель и закуталась в одеяло, как в кокон.

На столике у телевизора призывно возвышалась стопка дисков, но для просмотра нужно было снова встать, теряя драгоценное тепло. Коммунальщики в этом году решили сэкономить на отоплении, а потому батареи в доме еле-еле дышали, не согревая воздуха в комнате даже до восемнадцати градусов, а мама еще и окно зачем-то открыла. Но такое правило негласно действовало в доме при жизни отца – утром, встав в шесть, он приоткрывал окна в спальне и комнате Ольги, чтобы чистый утренний воздух сделал пробуждение более легким. И вот отца нет, а мама по-прежнему делает это…

Решительно откинув одеяло, Паршинцева прошлепала босиком в кухню, вытащила из-под полотенца несколько све-

жих, еще теплых оладий, бросила их на блюдце. В большую белую кружку, расписанную красными горошками, опустила пакетик чая, залила водой из чайника, бросила туда же пять кусков сахара и, подхватив блюдечко с оладьями, направилась в свою комнату. Устроившись в постели, Ольга включила проигрыватель дисков и, поглощая завтрак, принялась внимательно следить за действием фильма, стараясь не упустить ни одного движения актеров, ни одного взмаха мечом. Сюжет волновал ее мало, но вот все эти позы, взмахи, удары… было в них что-то завораживающее, интригующее. Ольга настолько погрузилась в атмосферу фильма, что не заметила, как съела все оладьи и теперь нетерпеливо шарила рукой по пустому блюдцу. За этим занятием ее и застала Наталья Ивановна.

– Опять в постели ешь? – укоризненно спросила она, подхватывая готовое упасть на пол блюдце.

– Ну, мам! – отмахнулась Ольга. – Не ругайся. Принеси еще оладушков, а?

Наталья Ивановна только головой покачала – когда дочь увлеченно чем-то занималась, то словно отключалась от внешнего мира и не замечала ничего вокруг.

Она ушла в кухню и села за стол, подперев кулаком щеку. Ольга все больше становилась похожа на отца, в ней постепенно проявлялась та же твердость характера и преданность своему делу. Лишь бы не стала такой же фанатично отдающейся работе…

– Мама! Ты про меня забыла? – раздался из комнаты возмущенный голос, и Наталья Ивановна, встрепенувшись, принялась складывать в блюдце оладьи.

Из подвала пахло сыростью и плесенью. Мужчина, поморщившись, спустился вниз и, нащупав на полке справа от лестницы свечу, зажег ее. Дрожащее пламя слабо осветило помещение, выложенное кирпичом. Вдоль стен высились полки, забитые всяким хламом – пустыми стеклянными банками, какими-то коробками, стопками старых журналов и книг, перевязанных бечевкой, узлами с тряпьем… Обычный подвал, в каких люди хранят то, что уже не нужно, а выбросить пока жалко. Сюда свозятся старые вещи, сопровождаемые фразой: «Может, пригодится на дачу», старая обувь, вышедшая из моды, но «еще хорошая и почти новая». В таких подвалах можно отыскать и бабушкины сундуки, потемневшие от времени, а в них – старые фотоальбомы с множеством черно-белых карточек внутри…

Но главной достопримечательностью этого подвала являлось совсем другое. На противоположной от лестницы стене расположилась добротная новая полка из массивной доски, а на ней – три человеческих головы на небольших деревянных подставках. Аккуратно причесанные волосы, чуть подкрашенные лица… и рядом с каждой прикреплена табличка с датой.

Мужчина придирчиво осмотрел «экспонаты» и пробормо-

тал вслух:

– Замечательно… осталось еще четыре…

Соседи

– Я вам говорю, товарищ милиционер, – это точно он! – возбужденно говорила маленькая, сухонькая старушка в потертом клетчатом пальто и смешной круглой шляпке-котелке, сидя на краешке стула в кабинете старшего оперуполномоченного Карепанова. – Я не вчера родилась, понимаете? И могу отличить убийцу от невиновного человека!

– Не застряли ли вы в тридцать седьмом году, уважаемая Алиса Власьевна? – со вздохом проговорил Карепанов, перебирая листы в папке, и старушка вдруг выпрямилась и приосанилась:

– Выбирайте выражения, молодой человек! Тогда и порядка было больше! Да, случались перегибы, но в основном все правильно было!

«Сейчас произнесет сакраментальную фразу «Сталина на вас нет», – с тоской и жалостью к себе подумал Карепанов, не поднимая глаз от папки с делом. – Черт принес эту сумасшедшую бабку! Все нормальные люди обедать ушли, а я вынужден сидеть здесь с ней и выслушивать старческие бредни!»

А посетительница тем временем уже стучала по столу морщинистым пальцем с пораженными ревматизмом суставами, распаляясь все больше и больше, выкрикивала смешные угрозы. Карепанов, которому порядком надоел этот

фарс, уже собрался отбросить все церемонии и выпроводить назойливую старушку, как вдруг она произнесла фразу, заставившую его передумать:

– …полна квартира оружия, чего только нет! Этак он и нас ночью перережет, упражняясь, а милиция так и будет в кабинетиках чаи распивать! Управы нет на вас!

– Так-так-так, стоп, Алиса Власьевна! – перебил ее Карепанов, подвигая к себе чистый лист бумаги и готовясь записывать. – Вот с момента про оружие – пожалуйста, чуть подробнее…

Акела

Он расхаживал перед шеренгой сидящих на пятках учеников, заложив большие пальцы рук за пояс кимоно. В зале стояла такая тишина, что был слышен треск ламп накаливания под потолком. На высокой подставке лежали два меча в простых ножнах – длинный и короткий. Ребята с интересом косились на необычные предметы – сегодня им впервые предстояло взять в руки шинаи, тренировочные мечи, состоящие из четырех бамбуковых полос, связанных вместе, а эти мечи были самыми настоящими, да к тому же привезенными из Японии и принадлежавшими ранее какому-то знатному самураю. И Александр Михайлович как раз рассказывал об основных положениях учения Миямото Мусаси – непревзойденного мастера и основоположника фехтования двумя мечами одновременно.

– Сейчас я покажу вам, как выглядит защита в кэндзюцу. – Акела повернулся лицом к ученикам и стал демонстрировать доспехи, в которые был облачен. – Вот это – мэн, или маска, она должна защитить вашу голову. Далее – котэ, защита для плеч и предплечий, до – для туловища и, наконец, тарэ – защита паха и бедра. Все это вместе призвано защитить ваше тело от ударов. Но, разумеется, никакие доспехи не помогут, если вы не будете владеть техникой боя и техникой самозащиты.

Тренировки в клубе «Каскад» всегда больше напоминали мини-лекции, чем спортивные занятия. Акела считал, что прежде чем дать в руки юношей пусть и деревянное, но все же оружие, стоит сначала морально подготовить их, воспитать чувство ответственности и понимания. Поэтому он старался как можно больше рассказать своим воспитанникам о культуре, традициях, принципах самураев. Кроме того, он часто общался с учениками наедине, пытаясь выяснить, что творится в голове того или иного подростка. Тех, в ком улавливал склонность к насилию или агрессии, пытался незаметно переключить на более спокойное восприятие окружающего мира, а уж если не удавалось, категорически отказывал таким в праве посещать секцию.

– Я учу вас тому, что меч должен подниматься только для защиты. Поэтому тем, кто хочет применять полученные у меня знания для нападения, здесь места нет, – жестко говорил Акела. – И это правило, которое я никогда не нарушал и не нарушу.

И действительно – его ученики не смели применять свои умения в драках, чем он втайне гордился. И дело было не в отсутствии мечей – их, если владеешь техникой, можно с легкостью заменить палками или кусками арматуры. Просто авторитет учителя и его доверие были превыше всего.

– …представьте, что ваш противник заносит меч для удара и острие приближается к вам, – продолжал свой рассказ Акела, прохаживаясь перед воспитанниками. – Идеально на-

нести удар в тот момент, пока он поднимает свой меч. Для этого вы должны занять позицию суйгэцу, иначе – «луна в воде».

Тренер обвел всех взглядом. Мальчишеские лица были сосредоточенными и внимательными, никто не шевелился и не издавал ни звука – настолько ребята погрузились в атмосферу рассказа.

– Так вот, – продолжил Акела. – Суйгэцу определяет расстояние между вами и противником – такое, чтобы его меч не мог коснуться вас. Суйгэцу – это искусство незаметно и неожиданно сближаться с противником. Ведь отражение луны в воде ведет себя так же. Для успешного исхода поединка вам нужно успеть оценить это расстояние заранее.

Он остановился перед стойкой и взял в руки длинный меч.

– Школа меча Синкагэ содержит три элемента и пять основных пунктов начальной стойки. Элементы – это стойка, руки и ноги и меч. На элементах же я остановлюсь подробнее. – Он взял меч двумя руками и встал боком к ученикам. – Запоминайте – свое тело нужно держать боком к противнику. Руки его должны быть на уровне ваших плеч. Кисти рук используются в качестве щита. Правый локоть нужно чуть выдвинуть вперед, вот так, – Акела продемонстрировал прием. – И последнее – вес тела переносится на переднее колено, на опорную ногу, а заднее колено выпрямляется. Таким образом, мы имеем начальную стойку, иначе именуемую «колесо». Она не предназначена для нанесения

удара, скорее для отражения. Именно поэтому мы рассматриваем ее в самом начале. Все хорошо запомнили? – Он обвел учеников внимательным взглядом. – Теперь рассмотрим наш учебный инструмент. Шинай – это имитация меча. Он годен для обучения, но не для реального боя. – В свободной руке Акелы оказался один из укрепленных в стойке мечей. – Видите? Шинай безопасен в применении, чего, разумеется, не скажешь о боевом мече. В трактате «Кэндо Рон» сказано: «Во время поединка мы должны руководствоваться мыслью, что в руках у нас боевой меч. Никогда не ставь шинай ниже боевого меча», – процитировал он. – Это относится к вашим разговорам о том, что якобы махать палкой проще, чем мечом. Научитесь уважать любое оружие. Теперь подойдите к стойке и возьмите шинаи, будем отрабатывать «колесо».

Убрав в ножны свой меч, Акела ходил между учениками, поправлял, подсказывал. Ребята работали сосредоточенно и серьезно, никаких шуток, смешков или улыбок. Даже необходимость подолгу повторять одно и то же не вызывала ни у кого протестов.

– Чтобы овладеть искусством боя на мечах, нужно уделять много внимания именно правильной стойке, – говорил Акела, поправляя руку вихрастого Вити, отставленную слишком сильно в сторону. – Без этого мы не сможем двигаться дальше. И есть еще одно правило, которое должно неукоснительно соблюдаться – меч и ум должны составлять единое целое, одной техники недостаточно, как и одного духа.

Заметив, что один из ребят размахивается шинаем из-за головы, Акела, приблизившись, дождался, пока он со всей силы ударит по полу и сломает учебное оружие, подобрал обломки и, усмехнувшись, сказал:

– И на этот случай есть прекрасная цитата из «Кэндо Рю» – «Одна сила недостойна внимания, ибо подведет того, кто уповает на нее». По-русски это звучит примерно как «сила есть, ума не надо». Отожмись сто раз, – бросил он виновнику, и парень безропотно опустился на пол и начал отжиматься от пола.

Акела тотчас же потерял интерес к происходящему: он прекрасно знал, что наказанный не сделает ни на одно упражнение меньше – это было просто не заведено, все строилось на доверии.

Занятия продолжались еще около часа, и Акела остался доволен тем, как быстро и с удовольствием его мальчики учатся принимать правильную стойку. Он вкладывал душу в свою работу и всегда радовался, когда ученики достигали успехов. Но сегодня к обычной радости примешивалось какое-то неприятное чувство, мешавшее ему уже на протяжении нескольких недель. Что-то шло не так…

Ольга

Паршинцева чувствовала себя разбитой и уставшей. Вот уже несколько дней она практически не отдыхала – конец года, на кафедре подводили итоги за первый семестр, плюс к этому Ольга постоянно просматривала купленные диски, отчего в голове регулярно возникали батальные сцены с участием самураев. «Еще чуть-чуть – и я сойду с ума, – с жалостью к себе и в то же время как-то отстраненно думала Ольга, видя в зеркале свое потемневшее лицо и провалившиеся глаза. – Может, прав был Карепанов? Ну, на фиг мне это? Что я – следователь, опер? Нет. Адвокат чей-то? Чей? А-а, короче! Надо заканчивать с этим пинкертонством, в самом деле».

Но решить было значительно легче, чем сделать. Паршинцева в душе была одержима желанием докопаться до истины и доказать высокомерному Карепанову свою правоту. А в том, что она права, Ольга почти не сомневалась. Просмотр учебных фильмов по боевым искусствам только утвердил ее во мнении, а взятая в библиотеке книга о принципах самурайского кодекса лишний раз убедила в том, что подозрения Ольги верны. Чтобы хладнокровно отрубить голову человеку, да еще и не одному, а нескольким, нужна большая сила духа и абсолютное презрение к смерти, а этим как раз и должен отличаться человек, вставший на путь японского воина.

«Господи, сколько же в мире придурков, – потирая переносицу и пытаясь сосредоточиться на заполнении дневника практических навыков, думала Ольга. – Не живется людям спокойно, постоянно острых ощущений хочется».

Ей самой острых ощущений не хотелось, да и времени на них тоже не было. Пару раз позвонила Анжела, предложила встретиться, но Ольга вынуждена была отказаться – дежурила. В голосе одноклассницы послышались нотки недовольства, но Паршинцева не обратила на них внимания – особой дружбы и взаимной привязанности между ними и в школьные годы не существовало, а уж после стольких лет…

Та встреча в кафе убедила ее, что от Анжелы вообще лучше держаться подальше. Не стесняясь в выражениях, она легко и как-то буднично рассказывала, что живет с богатым типом, неприятным внешне, зато очень денежным и щедрым во всем, что касается ее.

– И тебе не противно? – брезгливо сморщилась Ольга, представляя, чем именно рассчитывается за подобную щедрость Анжела.

Та только пожала плечами:

– Противно. Но оно того стоит.

– Не понимаю, – вздохнула Паршинцева, отпивая кофе. – Зачем тебе это, а?

– Ой, Оля, вот только не исполняй мне тут моралистку! – скривилась одноклассница, доставая из сумочки узкую пачку сигарет. – Ты еще скажи – надо работать, приносить поль-

зу обществу – чтоб уж совсем в духе соцреализма! А я не хочу, понимаешь, не хочу ишачить на дядю за копейки! Я хочу достойно и красиво пожить, пока молодая и привлекательная, пока у меня есть возможность использовать все это, – тут она довольно бесстыдно выпятила вперед грудь, обтянутую тонкой блузкой, – чтобы получить все, что я хочу.

– Да? И чего же ты хочешь? – поинтересовалась равнодушно Ольга, которую уже немного тошнило от Анжелкиной искривленной морали.

– Денег, – спокойно ответила она. – Денег – много, чтобы хватило надолго.

– Откладываешь на старость?

– Да, – не смутилась Анжела, картинно выпуская дым. – Открыла счет в банке, туда и складываю.

Ольга смотрела на нее во все глаза и поражалась произошедшим в девушке переменам. В школе Анжелка не была такой расчетливой и зубастой щучкой… И ей вдруг отчего-то стало даже жаль ее – такая красивая, видная девчонка, а продает себя, как последняя путанка.

– Что, Олечка, жалеешь меня? – словно прочитав ее мысли, проговорила Анжела с легким смешком. – А ты не жалей, не надо. У меня все отлично.

– Сама-то веришь?

– А то ж! – девушка вздернула подбородок, но в глазах Ольга успела заметить что-то, убедившее ее в обратном…

Больше они не встречались, только по телефону пару раз

разговаривали.

Сегодняшний вечер Ольга провела в любимой позе – на своем диване, с тарелкой печенья и большой кружкой молока она просматривала очередной фильм. Мама несколько раз заходила в комнату, качала головой, видя, что дочь поглощена зрелищем и ничего вокруг не замечает, только рука движется туда-сюда от тарелки с печеньем ко рту.

– Ольга! – не выдержала Наталья Ивановна. – Ты умяла килограмм печенья! Не его жалко – тебя! Поужинай наконец нормально, оторвись от своих ужасов!

– Это не ужасы, мам, – пробормотала дочь, не отрывая взгляда от экрана, где в этот момент невысокий человек с выбритой головой, на которой оставалась только длиннющая коса на самом темени, размахивал двумя мечами и что-то гортанно выкрикивал. – Это кэндзюцу.

– Кин – что? – удивилась Наталья Ивановна, присаживаясь на край дивана.

– Кэндзюцу, мам. Это такое боевое искусство. А есть еще кэндо, практически запретная техника, ее применяют крайне редко, в основном для воспитания духа настоящего самурая. Понимаешь – «дзюцу» означает «искусство», а «до» – путь, и упор делается именно на духовное воспитание.

– Оленька, ты помешалась, – мама покачала головой и с тревогой взглянула в озабоченное чем-то лицо дочери. – Ты никогда прежде столько времени не проводила у экрана…

– Мне не дает покоя одна вещь… – Ольга выключила те-

левизор и откинула плед, опуская ноги на пол. – Три трупа – и у всех совершенно одинаковый механизм повреждений. Понимаешь? Совершенно одинаковый – голова отсечена с одного удара, а такое возможно только при очень хорошей подготовке и только специальным орудием.

– Почему непременно специальным? – Наталья Ивановна ногой подвинула дочери тапки. – Ведь раньше казнили, отрубая головы топором – разве это не может быть топор?

Паршинцева взлохматила волосы, сунула ноги в тапки и помотала головой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.